

КОЛЛЕКЦИЯ БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ

Ерофей
Трофимов

КРЕЧЕТ

СЛУЧАЙНЫЙ ШАГ

ПЕРВЫЙ ОЧАГ

НЕЖДААННАЯ КРОВЬ

Ерофей Трофимов
Кречет: Случайный шаг.
Первый очаг. Нежданная кровь
Серия «Коллекция. Военная
фантастика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74177096

Кречет: Случайный шаг. Первый очаг. Нежданная кровь: сборник /

Ерофей Трофимов: АСТ; Москва; 2026

ISBN 978-5-17-189299-9

Аннотация

Как гласит старая хохма, даже если вас съели, у вас всегда есть два выхода. Ну, а уж если ты всё ещё жив, даже оказавшись непонятно где и непонятно как, то выходов имеется гораздо больше. Вот по этому принципу и решил Беломир жить дальше. Ведь вся его прежняя жизнь складывалась из сплошного выживания. Сначала в приюте, потом в армии, даже на гражданке. А самое главное, что теперь у него появился свой собственный дом и надёжные соратники, а значит, жизнь только начинается.

Содержание

Случайный шаг	5
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Ерофей Трофимов

Кречет

© Ерофей Трофимов, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Случайный шаг

Меч с лязгом отбил очередной удар, и Беломир, шагнув в сторону, озорно усмехнулся. Понятно, что этот с грехом пополам сплюснутый лом к настоящему оружию имел очень отдаленное отношение. Но на подобных сходках иного и не предполагалось. Правила реконструкторы вырабатывали сами, исходя из собственных куцых познаний в уголовном кодексе. И все равно, даже зная о возможных последствиях, продолжали ковать оружие, делать доспехи и сходиться на импровизированных ристалищах.

Вот и Беломир свой лом ковал сам. Чего ему это стоило, отдельная песня, с весьма грустным припевом. Представители власти на подобные вещи реагировали весьма нервно. С чего, парень так толком и не понял. Ну какое по сути ментам дело до того, зачем и куда он несет эту железяку? Ведь зарубить ею кого-то невозможно. Нанести увечье – тоже очень постараться надо. Если только со всей дури треснуть возможного противника по бестолковке. Но ведь и он не станет просто так на месте стоять.

Про ограбление с этим ломом и говорить смешно. Любой объект нападения от души посмеется. Лезвие-то никогда оселка не знало. Лом, он и есть лом. Сплюснутая в виде ромба в сечении железяка. Бутафория. Одна радость, что хоть внешне на настоящий похож. В общем, препон и дур-

ных историй со всем этим железом хватало. Но они все равно продолжали заниматься этим делом, воплощая в жизнь свои детские мечты.

Отбив очередной удар, Беломир пригнулся, пропуская чье-то оружие над головой, и, приставным шагом сместившись в сторону, быстро огляделся. Эта свалка, устроенная ими в последний день, была затеяна, только чтобы разрядиться и как следует разогнать кровь по жилам. Правил тут не было никаких. Все рубились со всеми и просто от души веселились. Понятно, что без ушибов и синяков не обойдется, но это все ерунда. Заживет. Зато потом будет что вспомнить. Тем более что погодка порадовала.

Легкий ветерок разогнал набежавшие с утра тучки, но в воздухе запах дождя все равно ощущался. Так что парни поспешили устроить баталию и закрыть сезон. Фиолетово-малиновое свечение Беломир заметил краем глаза, но понять, что это такое, не успел. Как не успел и понять, что за странный треск раздался рядом. Сильный удар пришелся по щиту, и его качнуло в сторону свечения. Дальше последовала вспышка, грохот, и навалилась темнота...

Тихий, давящий на мозг звон был первым, что он услышал. Не было ни верха, ни низа, ни вообще ничего. Темнота, пустота и только мерзкий тихий звон. А еще почему-то очень хотелось пить. Хотелось так, словно он неделю бродил по пустыне. Уловив краем сознания, что происходит что-то

непонятное, парень попытался пошевелиться, но ничего не произошло. Совсем. Словно тела у него и вовсе не было. Никогда. А еще вдруг навалилась какая-то странная апатия. Ну, нет тела и нет. Не получается пошевелиться, и ладно. Все равно терять ему нечего.

А чего терять приютскому сироте, у которого всего имущества – это купленные на рынке шмотки, старенький компьютер да комната в общежитии, полученная вместо положенной по закону квартиры. Так что терять вправду было нечего. Да и комнату ту едва не выгрызть у чиновников пришлось. Понятно, что положенную ему квартиру они давно уже продали, а бабки поделили, но и просто так сдать Беломир не мог. Вот и пришлось бодаться до упора. Он вообще не привык сдаваться. С самого рождения.

Так сложилось, что вся его жизнь была одним бесконечным боем. За жизнь, с чиновниками, со всякой прибалтненной сволочью, с духами во время войны на Кавказе. В общем, вся жизнь – борьба. Этот постулат он выучил, едва начав осознавать, кто он и где находится. А начиналось все очень весело. Однажды зимой пожилая супружеская пара отправилась в городской парк, собачку выгулять. Вот та собачка и откопала в сугробе младенца примерно недельного возраста.

С тех пор Беломир терпеть не мог сырость и холод и очень любил собак. Имя свое он получил в больнице. Кто именно так отличился, парень не знал, но менять его, получая паспорт, не стал. Так и жил Беломир Кречет. Обычно подобным

детям давали фамилии вроде Найденова, Находкина, а тут... Кречет. Впрочем, Беломиру она нравилась. Хоть чем-то отличался от всех остальных.

Дальше были дом ребенка, детский дом, техникум, где он получил профессию автомеханика. Армия, где восемнадцатилетних пацанов загнали на передовую, против матерых, тренированных боевиков. Помогла профессия. В армию он уходил, имея на руках не только профессию автомеханика, но еще и права с тремя категориями. В общем, после учебки, попав в войска, он с ходу получил старенький, потрепанный жизнью и очумелыми солдатскими ручками «Урал» и принялся возить все, что прикажут.

Трижды колонну с его машиной закрывали боевики, но бог миловал. Несколько дырок от пуль в кабине и замена досок в бортах, вот и весь ущерб. На самом Беломире ни царапины, хоть и не отсиживался он за спинами сослуживцев. Что-что, а стрелять он умел и любил. Так что имел в подтвержденных семь убитых боевиков. Не бог весть что, но никто не мог сказать, что он труса праздновал. А вот под конец службы не повезло. Ему было приказано вывезти из зоны боевых действий раненых, а колонну закрыли.

Понимая, что, остановившись, он обречет и себя и ребят на смерть, Беломир, теряя сознание, продолжал давить на газ, крутя баранку одной рукой. После, уже в госпитале, ему рассказали, что его «Урал» был отправлен под списание. Проще было утилизировать, чем восстановить. В самом пар-

не оказалось три дырки. Два ранения были сквозными и одно слепым. Как он сумел доехать до госпиталя, не понимал никто. Ведь по всем правилам и понятиям он должен был истечь кровью уже на первом же километре.

Но бог миловал. А может, и черт постарался. В религиозных делах Беломир разбирался слабо. Жил по принципу «миновало, и ладно». В общем, из армии его списали с инвалидностью и медалью «За отвагу». А еще с крошечной пенсией, на которую и ноги с голодухи протянуть недолго было. Но Беломир не был бы самим собой, если бы опустил руки. Привычка драться до последнего выручила и тут.

Едва услышав, что его называют инвалидом, парень с головой погрузился в работу над собственным телом. До кровавой пелены в глазах, до юшки из носу от перенапряжения он работал над собой, возвращая телу прежние кондиции. А кондиции эти были неслабыми. Жизнь в приюте не сахар, так что постоять за себя было не блажью, а необходимостью. Так что разряд по рукопашному бою он получил одновременно с повесткой в армию.

Вернувшись в родной городок, Беломир с ходу вступил в противостояние с чиновниками и, добившись хоть чего-то, принялся искать работу. Но как оказалось, для бизнесменов человек с его послужным списком был персоной нон грата. Держать подобного бойца в черном теле не получится. Можно и оборотку получить. Так что Беломир, помыкавшись по всяким сервисам и автопредприятиям, отправился в гаражи.

Там найти халтуру с его умениями и знаниями было проще. С той поры он работал только на себя.

Разобравшись кое-как с жильем и работой, парень задумался, чем занять досуг. Спиртное и клубы его не привлекали. Девушки предпочитали иметь дело с бизнесменами и бандитами, так что свободного времени хватало. Понимая, что без оружия в нынешних реалиях ходить значит наживать себе неприятности, Беломир сунулся было в милицию, за разрешением, но быстро сообразил, что это просто очередной способ заработать себе срок. Так что после недолгих размышлений занялся изготовлением холодняка.

Его после и выбросить не жалко, а если и найдут, то повесить железку на парня будет не так просто. Главное, пальчиков своих на железяке не оставлять. Но сделать что-то убойное мало. Нужно еще и научиться им владеть. Так что бросать ножи, топоры, шила и тому подобные предметы он учился старательно. А когда познакомился с реконструкторами, то все стало еще проще. Благо среди них имелись люди, серьезно владевшие подобным оружием. Поэтому учиться Беломир не переставал. Как не переставал и заниматься собственным телом.

Крепкий, среднего роста брюнет, он выглядел спортивным, но не перекачанным, как всякие бодибилдеры и тому подобные качки. Скорее был жилистым и сбитым. Да и не нужны ему были рельефные мускулы. Не на сцене красоваться.

Так что отказ его тела подчиняться Беломир воспринял как очередной жизненный вызов. Усилием воли отогнав куда-то на задний план назойливый звон, парень сосредоточился на собственных ощущениях и первым делом попытался сжать кулаки.

Пока руки действуют, а голова соображает, ты полноценный человек. Так ему регулярно повторял в госпитале подполковник начмед, проводивший обследования. Вот парень и решил воспользоваться этим постулатом и первым делом занялся руками. Очень скоро сквозь все тот же звон и вдруг навалившуюся тошноту он ощутил, как руки начало колоть, словно он их отлежал. А после он уловил, что чувствует пальцы.

Обрадовавшись, Беломир попытался дотянуться сознанием до ног и вскоре ощутил уже знакомое покалывание. Отрешившись от жажды, парень сделал еще одну попытку пошевелиться, но неожиданно навалившаяся боль заставила его замереть и тихо застонать. А следом снова навалилась темнота.

* * *

Яркий свет заставлял морщиться и выжимал из глаз слезы, даже несмотря на то, что веки все еще были закрытыми. Глухо застонав, Беломир дернул головой, пытаясь избавиться от этого слепящего света, но в следующую секунду засто-

нал еще громче. Мышцы шеи затекли от долгого лежания в одной позе, и теперь их свело судорогой. Дергаясь, словно сломанная марионетка, парень кое-как перекатил голову и, глухо стеная, попытался приоткрыть глаза.

Первое, что он увидел, была трава. Ярко-зеленая, сочная, словно только пробившаяся. Осенью такой не бывает. Эта мысль заставила парня еще шире распахнуть глаза и, скосив их вбок, попытаться рассмотреть что-то еще. Но ничего, кроме все той же травы, рассмотреть не получалось. Сообразив, что что-то идет не так, Беломир попробовал опереться на локти и подняться, но получилось только слабо дернуть руками.

– Да какого хрена тут вообще происходит? – прохрипел парень пересохшей глоткой. – Это что, меня во время битвы так приложили, а потом просто бросили? Фигня, парни бы так не сделали. Хоть до палатки, но дотянули бы.

Сделав еще одну попытку подняться, он с грехом пополам перекатился на бок и принялся собираться в кучу, словно складной метр. Сначала согнул ноги, подтянув их поближе к торсу. Потом справился с руками, переложив их так, чтобы можно было попробовать хоть как-то опереться. И последним этапом стала попытка подняться хотя бы на колени. Дважды он заваливался на бок, так и не сумев утвердить туловище в устойчивом положении.

На третий раз, с помощью стонов и мата, это получилось. Проблем доставлял и надетый на него доспех. Понятно,

что бутафория, но сделана она была из настоящего железа. Так что весила немало. Утвердившись на коленях, Беломир уперся руками в землю и медленно, в буквальном смысле со скрипом, кое-как выпрямился. Вскинув голову, он старательно проморгался и, сфокусировав взгляд на ближайшем окружении, удивленно проворчал:

– Не показалось. Точно, трава как весной. Хрень какая-то. А где я вообще? На сборе такого поля не было, – бурчал он, медленно вытягивая шею, чтобы рассмотреть то, что находилось дальше.

К удивлению парня, трава уже вымахала почти по колено, так что его старания были не напрасны. Подняв голову выше этой поросли, Беломир вдруг понял, что оказался совсем не там, где был. Перед ним расстилалась бескрайняя степь. Такая, какой ее описывают в книжках и рисуют художники. Книжки парень любил и всякую фантастику читал регулярно, словно подсознательно готовился к какому-то большому изменению в своей жизни.

Он вообще считал, что очень опоздал родиться и это время не его. Ему, как человеку, привыкшему рассчитывать только на себя, гораздо ближе были старые времена, дикие просторы, где человек стоил ровно столько, сколько умел он сам. Понятно, что все это были детские мечты, но мечтать о путешествиях и приключениях было так увлекательно. А что еще делать мальчишке в приюте?

Убедившись, что глаза его не обманывают, и вокруг дей-

ствительно расстилается степь, Беломир растерянно хмыкнул и, со скрежетом подняв руку, старательно почесал в затылке. Рука парня наткнулась на что-то мягкое и колючее, а пальцы, когда он опустил руку, были покрыты налипшим пеплом.

– Не понял. А это что еще за фигня? – проворчал он, растирая пальцами пепел.

Проведя ладонью по голове еще раз и получив точно такие же ощущения, парень внимательно рассмотрел руку и, охнув, сообразил:

– Твою мать! Похоже, я все волосы сжег. Но как? Ладно, это потом.

Сидеть на одном месте и вправду было не самым умным занятием. Ему дико хотелось пить. К тому же солнце начало пригревать, и в доспехе становилось жарко. Но снимать с себя это железо Беломир не торопился. Как ни крути, а нести все это на себе гораздо проще, чем тащить в руках. А просто бросить не позволяла бережливая натура. Ну не привык он своими вещами разбрасываться, особенно теми, за которые плачены серьезные деньги.

Рассматривая руки, он заметил и еще кое-что. На кирасе и наплечнике виднелись какие-то странные следы. Словно по доспеху прошлись чем-то вроде газового резака. Дырок не было, но железо заметно повело. Отсюда и возникал тот самый неприятный скрежет, когда он пытался шевелиться. Убедившись, что впереди только степь, Беломир решил по-

смотреть, что находится позади, и, опираясь на руки, принялся медленно разворачиваться. Вставать он пока не решился. Голова кружилась и крепко мутило. Да и конечности заметно дрожали, словно пьянствовал не меньше недели.

Развернувшись, парень осторожно выпрямился и, вытянув шею, радостно улыбнулся. Примерно в паре сотен метров от него начинался какой-то перелесок, с густым подлеском. Еще в армии ему много раз повторяли, если есть подлесок, обязательно где-то рядом найдется и источник воды. В крайнем случае можно выкопать яму, в которой через какое-то время появится вода. Там, где есть подлесок, вода находится неглубоко. Насколько это правда, проверять не приходилось, но слова эти он запомнил крепко.

Понимая, что нужно уходить с открытого пространства, пока не испекся в собственном доспехе, Беломир с грехом пополам поднялся на ноги и, убедившись, что стоять как-то получается, сделал осторожный шаг вперед. Само собой, его повело в сторону, но он умудрился не упасть. Голова снова кружилась, а в глазах помутилось. Переждав приступ слабости, парень мотнул гудящей от боли головой и сделал еще один шаг. На этот раз все прошло гораздо легче.

Шагая, словно сломанная игрушка, Беломир медленно, но верно приближался к рощице. Что там за деревья росли, его интересовало в последнюю очередь. Главным сейчас было найти воду. Неважно какую. Пусть даже лужу. Он сейчас и на такое согласен. Примерно через полчаса, буквально зава-

лившись в кусты, Беломир с блаженным стоном прижался лицом к влажной земле и еле слышно прошептал:

– Сюда добрался и дальше дойду. Не дождетесь.

Отдышавшись и слегка остыв, снова поднялся на ноги и, прислонившись плечом к ближайшему дереву, принялся вслушиваться в звуки, разносящиеся по перелеску. Негромко шелестела молодая листва, чирикали какие-то пичуги и еле слышно посвистывал ветерок в ветвях. В общем, настоящая пастораль и благолепие. Усмехнувшись собственным мыслям, Беломир осторожно оттолкнулся от дерева и шагнул к следующему.

Двигаться без поддержки или опоры было слишком тяжело. Обойдя какой-то раскидистый куст, он остановился, чтобы отдышаться, и тут же услышал едва заметное журчание. В этот момент для Беломира это был самый приятный звук на свете. Так могла журчать только вода в роднике. Покрутив головой, парень определился с дорогой и сделал шаг в нужном направлении. Еще минут через пять, упав лицом в крошечный родничок, Беломир, захлебываясь, глотал чистую холодную воду.

Напившись до одури, парень медленно перекатился на спину и, уставившись в кроны деревьев бездумным взглядом, тихо проворчал:

– Одну проблему решили. Теперь надо понять, куда меня занесло.

В том, что его куда-то переместили, пока он был без со-

знания, Беломир уже не сомневался. На том поле, где они с парнями организовали себе ристалище, таких рощ и родников точно не существовало. Как не было и такой свежей высокой травы. Старый, пожухлый бурьян, который бывает в полях осенью, – вот что первым бросалось в глаза. В общем, что-то тут было не так, но что именно, еще предстояло разобраться.

Ощутив, что выпитая вода благоприятно подействовала на его организм, Беломир с криканием поднялся на ноги и, отойдя от родника на несколько шагов, решил заняться важным делом, то есть осмотреть свой доспех.

И только тут до него вдруг дошло, что во все еще сжатом кулаке он продолжает удерживать рукоять своего меча. Как оказалось, все это время он действовал только левой рукой, подсознательно веря, что в правой имеется оружие. Удивленно хмыкнув, парень подивился вывертам собственного подсознания и, поднеся рукоять к лицу, принялся осматривать оставшийся обломок. И только рассмотрев внимательно оставшийся огрызок, удивленно охнул.

Металл клинка был не обломан, как можно было ожидать, а оплавлен, словно его сунули в мартеновскую печь. Отложив обрубок, Беломир начал осторожно снимать с себя доспех. Застежки на правом боку скукожились и сжались так, словно им лет двести. Так что расстегивать кирасу пришлось только с левого бока. Кое-как выбравшись из этого панциря, парень бросил его на траву и, развернув, принялся осматри-

вать повреждения.

С первого взгляда стало понятно, что доспех и вправду подвергся воздействию высокой температуры. Откуда она взялась – дело десятое. Сейчас было гораздо важнее понять, можно ли им вообще пользоваться. Зачем? Да как бы правильно объяснить? Ну, вот было у парня такое чувство, что его приключения еще не закончились. А в этом железе он даже от вооруженных бейсбольными битами беспредельщиков отбиться сможет. Главное, башку не подставлять.

А таких уродов по стране хватало. В этом его давно уже убедил собственный опыт. Ну не живется некоторым людям спокойно. Не нравится им, что кто-то может не только ханку жрать и шмаль курить, а еще и чем-то полезным увлекаться. В общем, все это железо еще очень может пригодиться. Сняв с себя поножи и наручи, Беломир задумчиво потерел пальцами короткую кольчугу и, вздохнув, принялся аккуратно ее стаскивать.

Двойного плетения, со сварными кольцами, кольчуга эта была его самым дорогим атрибутом. Заказывал у настоящего мастера своего дела, и обошлась рубашечка очень недешево. Зато на теле лежала словно вторая кожа и движений никак не стесняла. Мастер, чтобы убедить его в качестве своей работы, даже надевал ее на деревянную колоду и лично лупил по кольчуге топором. Кольца гнулись, плющились, но не ломались. Так что денег своих она стоила.

Стянув с себя поддоспешник, Беломир задумчиво осмот-

рел свое правое плечо и, убедившись, что кожа не пострадала, снова отправился к роднику. Обмывшись ледяной водой и обсохнув, парень вывернул поддоспешник наизнанку и повесил его на солнышко, проветриться и подсохнуть. Разобравшись с доспехом, он в очередной раз задумчиво огляделся и, вздохнув, растерянно буркнул:

– Блин, вода есть, а ведь скоро еще и жрать захочется. Куда ж меня занесло? Блин, узнаю, точно кому-нибудь рыло начищу.

Понимая, что оказался в не самой простой ситуации, парень принялся инспектировать содержимое собственных карманов. Курить он никогда не курил, но зажигалку с собой носил. Но на ристалище предпочитал брать не ее, а настоящее кресало. Понятно, что заводского изготовления. С пластиковой рукояткой и железкой вместо напильника, с острыми гранями и семисантиметровой линейкой. Но в его ситуации это было настоящим богатством.

Самое неприятное заключалось в том, что из-за всех ментовских ужимок они с парнями даже нормальных ножей с собой не возили. Перочинники длиной в палец, не больше, да и те приходилось на время боя оставлять в лагере. Так что ничего хоть как-то режущего у реконструктора при себе не имелось. Проще говоря, у него вообще ничего кроме кресала не было. Даже кошель с бутафорскими монетами куда-то делся. На поясе остались только обгорелые обрывки кожи, которыми он туда и крепился.

Испустив очередной тяжкий вздох, Беломир почувствовал, что больше не может ничего делать. Устал так, словно вагон угля вручную разгрузил. Сняв с куста высохший поддоспешник, парень оделся и, устроившись под раскидистым кустом, уснул, подложив под голову кирасу. Не мягко, не очень удобно, зато при себе и так просто не сопрут. Кто мог позариться на кусок железа в чистом поле, он и сам не представлял, но бросать свое просто так даже не думал.

Уснул Беломир едва не быстрее, чем успел устроиться. Но в этот раз спал спокойно и без сновидений. Главное – спокойно. Так, как когда-то в детстве, в доме малютки. Пару раз проснувшись, чтобы оправиться и попить воды, он снова проваливался в сон, едва успев положить голову на кирасу. Организм его словно сам знал, что именно нужно делать, чтобы побыстрее прийти в себя после всего случившегося.

* * *

Проснулся он от звучного урчания собственного желудка. Открыв глаза, Беломир медленно сел и, зябко передернув плечами, длинно, с повизгиванием зевнул. Несмотря на жаркий день, ночь была еще холодной. Ощущение, что он вдруг оказался в ранней весне вместо осени, не обманывало. Во всяком случае, погода соответствовала. Поднявшись, парень дошел до ручья. Там умывшись, оправился и, прислушиваясь к голодным руладам собственного желудка, мрачно

проворчал:

– И куда теперь? Блин, как же жрать хочется...

Испутив очередной тяжкий вздох, парень напился впрок и, собрав снятое накануне железо, двинулся вдоль родника, по течению. Постулат был прост. Все родники впадают в ручьи, ручьи – в реки, а реки – в озера или моря. Так что, рано или поздно, к какому-нибудь жилью он все равно выберется. К тому же у ручья или реки добыть хоть какое-то пропитание будет проще. Кресало есть, значит, без огня он не останется. Остальное – дело техники и собственных навыков.

Плохо, что стоит ранняя весна. Найти в лесу орехи или ягоды невозможно. Зато зверье увлечено инстинктом продолжения рода и не так внимательно, как в любое другое время года. Да и рыбу в крупной водной артерии поймать не так сложно, как кажется на первый взгляд. В общем, что-нибудь да получится. Подбадривая себя такими мыслями, Беломир шагал вдоль родника, вслушиваясь в окружающую обстановку.

Часа примерно через полтора парень добрался до очередной опушки и, остановившись, принялся осматриваться, прикидывая, куда двигаться дальше. Открытая местность почему-то вдруг показалась ему небезопасной. Откуда взялось это ощущение, он и сам не понимал. Просто вдруг понял, что вылезать в степь не самое умное дело. Чуйке своей Беломир привык доверять. Именно она несколько раз спасала его прежде.

Сложив исковерканный доспех у ног, парень, приложил ладонь ко лбу козырьком и всмотрелся вдаль. Что вдали происходило, разобрать было невозможно, но поднятая пыль ясно говорила, что там не все так просто. Чуть подумав, Беломир поднял с земли свою кольчугу и, тихо выругавшись, принялся надевать ее. Зачем? Да самому бы знать. Но вот было у него ощущение, что делает он это не напрасно. Расправив кольца, он перетянул кольчугу широким поясом из толстой кожи и, пошевелив плечами, с довольным видом буркнул:

– Вот недаром деньги отданы. Как по мне сработано.

В очередной раз покосившись на доспех, парень задумчиво хмыкнул и, покрутив шеей, начал медленно разминаться, разгоняя кровь по жилам. Вот не хотелось ему вылезать из этого лесочка. Не хотелось, и все тут. К тому же те самые пылевые столбики, медленно, но верно приближались, так что немного задержаться на опушке было бы не лишним. Разминаясь, Беломир не сводил взгляда с поднятой кем-то пыли.

Убедившись, что тело работает, а голова почти не болит, парень в очередной раз вздохнул и, спустившись к ручью, не спеша напился. Ну не хотелось ему выходить. Почему? Беломир и под пыткой бы объяснить не смог, но уверенность в том, что поступает правильно, была почти абсолютной. Вернувшись к брошенному железу, парень в который уже раз отыскал взглядом пылевые столбы и, всмотревшись, растерянно вздрогнул.

Основная масса пыли находилась за невысоким, широ-

ким холмом, а вот из-за него выбегало несколько фигур, следом за которыми неторопливой рысью двигалось два всадника. И все бы ничего, но вот всадники эти были очень похожи на степняков, какими их изображали во всяких исторических хрониках. Подробностей из-за расстояния было не разобрать, но круглые щиты и легкие пики Беломир увидел сразу. Всадники не спеша двигались следом за бежавшими людьми, то и дело поигрывая своим оружием, словно пугая их.

– Не понял, это чего за хрень такая? – удивленно произнес Беломир, напрягая глаза и пытаясь понять, что вообще происходит. Даже в их отвязанной тусовке подобных игрищ не случалось. Да, бились порой жестко, до синяков и переломов, да, случались всякие эксцессы, но гонять верхом безоружных никто даже не пытался. Не для того они собирались.

Тем временем бежавшая группа выскочила к ручейку и понеслась по его берегу к перелеску. Решив не вылезать раньше времени, Беломир отступил за дерево и быстро осмотрелся в поисках хоть чего-то, что могло бы заменить ему оружие. Ну не верил он, что все обойдется мирно.

Нюх на неприятности у бывшего детдомовца был не хуже, чем у ищейки. Приметив голыш размером чуть меньше его кулака, парень подобрал его и, недолго думая, сорвал с себя пояс. Широкая кожаная лента легко могла заменить пращу, а пользоваться этим оружием Беломир Кречет умел. Специ-

ально учился. Как научился пользоваться и луком, и арбалетом, и вообще всем, что приходилось приметить на сходках реконструкторов. Не сказать, что профи, но и сам себе по макушке не заедет.

Уверенный середнячок, у которого ко всем этим навыкам имелся и разряд по рукопашному бою, и опыт выживания в приюте. Уж чему-чему, а драться насмерть его приучили крепко. Тем временем беглецы вломились в перелесок и с треском кинулись дальше. Всадники, чуть прибавив аллюра, подъехали к самой кромке, и один из них, привстав в стременах, взмахнул пикой, готовясь бросить ее в кого-то из беглецов.

Шагнув вперед, Беломир пару раз взмахнул пращей и, примерившись, резко выбросил руку вперед, одновременно отпуская край ремня. Увесистый голыш с глухим стуком ударил всадника в открытый бок, выбрасывая его из седла. Понимая, что на второй бросок времени и припаса нет, парень бросил ремень и ужом ввинтился в кусты, бросившись бежать. Но не от противника, а к нему. Убежать от степняка, даже если он ряженный, все равно бы не получилось. На открытой местности лошадь все равно быстрее.

Скрываясь за кустами, Беломир подобрался к тому месту, где упал степняк, и, слегка отклонив ветку, зло усмехнулся. Камень не просто выбил всадника из седла, но еще и, похоже, крепко повредил ему ребра. Кряхтя и морщась, тот старательно мял себе бок, негромко что-то ворча. Выпавшая из

его рук пика валялась в траве шагах в трех от куста, где засел парень. А вот второй степняк явно не собирался оставлять проступок напавшего безнаказанным.

Быстро сориентировавшись, он подъехал к тому месту, откуда парень бросил камень, и теперь увлеченно тыкал пикой в куст, пытаясь добраться до виновника этого безобразия. Понимая, что проблему надо как-то решать, Беломир сделал глубокий вдох, нагоняя в кровь адреналин, и примерившись, ринулся вперед. Длинный бросок, кувырок, и в следующую секунду он уже на ногах, с пикой в руке. Лихо провернув оружие, перехватил его так, словно держал винтовку с примкнутым штыком, и, не раздумывая, сделал выпад, целя степняку в лицо.

Но противник оказался не промах. Откатившись в сторону, он выхватил из ножен саблю и, взмахнув ею, ловко вскочил на ноги. Краем сознания Беломир отметил, что подвернувшаяся под удар ветка куста оказалась срезанной, словно острым ножом. А значит, оружие у мужика не бутафорское, и владеть он им умеет. Сообразив, что устраивать поединок и показывать красивые финты, – глупость, Беломир взмахнул пикой, показывая атаку в ноги, и тут же, едва только сабля метнулась вниз, ударил в верхний ярус.

Увесистый наконечник пики хлестнул степняка по плечу, заставив его покачнуться и невольно охнуть. Удар пришелся в плечевой сустав. Оступившись, степняк неловко взмахнул саблей, и Беломир не преминул воспользоваться моментом.

Еще один хлесткий удар пришелся по кисти руки, сжимавшей рукоять сабли, а в следующее мгновение наконечник с хрустом пробил глаз, дотягиваясь до мозга.

Выдернув пику, Кречет отскочил в сторону, в очередной раз проворачивая пику в руках. Налетевший на него всадник действовал так, словно прирос к седлу. Прикрывшись круглым щитом, он ударил пикой, управляя конем только ногами. Нырком уйдя в сторону, Беломир из положения с колена ударил в ответ, даже не пытаясь дотянуться до торса. Наконечник его пики вонзился в бедро противника.

Гортанно вскрикнув, степняк покачнулся в седле и выронил пику. Теперь для боя с этим оружием он не годился. Ведь для удара пикой требовался упор в стремяна. Сабля сверкнула в воздухе, и невысокий, лохматый конек, стремительно развернувшись, ринулся в атаку, оскалив крепкие зубы, словно собирался укусить врага. Впрочем, Беломира это не особо бы и удивило. Он помнил, что боевых коней таким приемам и обучали.

Так что, сделав очередной кувырок в сторону, он оказался слева от атакующего противника и тут же ударил снова. И снова в ногу. Ахнув, степняк что-то злобно прохрипел и, дернув повод, начал разворачивать коня. Понимая, что нельзя давать ему разогнаться, парень прыгнул вперед, сокращая дистанцию и делая выпад пикой в лицо. Степняк неловким движением смахнул его оружие в сторону и тут же вскинул саблю, собираясь разрубить противника.

Этого Беломир и добивался. На такой дистанции, находясь справа от противника, он мог наносить не только тычковые удары. Но сейчас, когда противник раскрылся, останавливаться было нельзя. Короткий шаг вперед, и стремительный, точный удар в подмышечную впадину, не защищенную доспехом из толстой кожи. Наконечник с хрустом вошел в плоть, и степняк, гортанно вскрикнув, начал заваливаться.

Не давая ему опомниться, Беломир продолжал давить, выбрасывая его из седла. Конь противника, хрипя и скалясь, сделал пару шагов боком, но парень не отставал. Наконец, раненая нога подвела всадника, и он свалился на землю. Беломир успел выдернуть наконечник из раны, и едва только степняк оказался на земле, бросился добивать врага. Не раздумывая, он треснул коня по крупу пикой, и как только тот отбежал, бросился вперед, проворачивая пику в руках.

Пробив кожаный нагрудник, наконечник вонзился в тело противника на всю длину. Захрипев, степняк дернулся в агонии и, вытянувшись, замер. Выдернув пику, парень оперся на нее, с грехом пополам переводя дух и чувствуя, как голова снова начала наливаться чугунной тяжестью. Что все это было, можно разобраться и после, а сейчас из этого перелеска нужно было срочно делать ноги. Вся прошлая жизнь попаданца прошла под девизом: «Никогда не оставайся на месте происшествия. Даже если ты не виноват, то все равно виноват».

Взяв себя в руки, Беломир потрянул головой и, присев над

телом, принялся снимать с него пояс с оружием. Припомнив, что в прежние времена многие носили самое ценное в сапогах, он не поленился стянуть со степняка мягкие короткие сапоги с загнутыми носами и деревянными каблуками. Размер явно был не для парня, но из кармашка на внутренней стороне голенища выпала желтая монета. Подхватив добычу, Беломир сунул саблю в ножны и, подойдя к коню, попытался взяться за повод.

Злой жеребец, захрапев, тут же попытался схватить его зубами за кисть. Резко отдернув руку, Беломир, не раздумывая, треснул скотину кулаком по носу, заставив взвизгнуть и отступить назад. Тут же перехватив повод, парень потащил жеребца за собой. Очевидно, полученная плюха заставила животину зауважать нового хозяина. Во всяком случае, кусаться и вырываться он больше не пытался. Быстро обыскав второе тело, Беломир повесил все собранное на седельные луки и, увязав коней цугом, двинулся в глубь перелеска.

Нужно было отдышаться, передохнуть и немного подумать. Вся эта катавасия выбила его из колеи. К тому же во время обыска степняка он заметил много такого, что требовало серьезного осмысления. Начиная от запаха давно не мытого тела и заканчивая полной идентичностью всей экипировки двух убитых. Отлично зная, что на сходках реконструкторы хоть и старались выдерживать полную идентичность, но нижнее белье предпочитали носить современное, он заметил и набедренные повязки на трупах.

До такого маразма даже самый пробитый на голову реконструктор не додумается. Неудобно, да и просто не гигиенично. Осмысливая все замеченное, парень забрался в самую глушь перелеска и, спутав коням ноги, спустился к ручью. Умывшись и снова попив, Беломир задумчиво оглядел переметные сумы на конях и, хмыкнув, принялся снимать их. Нужно было срочно хоть чем-то перекусить. Живот уже начало подводить от голода, а его бурчание он слышал даже во время драки.

Недолго думая, парень развязал клапана сумок и, перевернув их, просто вытряхнул содержимое на траву. Бросив сумки, присел на корточки и принялся потрошить все мешочки и свертки, выпавшие наружу. К его огромной удаче, в одном из свертков нашлась сухая пресная лепешка и кусок твердого соленого сыра. Едва не урча от удовольствия, парень впился в них зубами.

Утолив первый голод, Беломир запил соленую снедь водой из родника и вернулся к делу. Грязное исподнее тут же отправилось в сторону. Носить такие вещи после кого-то он не собирался. Следом отправилось и что-то вроде портянок. Тоже ношенных. Мешочек с какой-то сушеной травой вызвал у него сомнения и был отложен в сторонку. А вот всякие походные мелочи вернулись обратно в сумку. Кресало, трут, соль в узелке – все это могло пригодиться в дороге.

Разобрав сумки, Беломир взялся за оружие. Сабли степняков, хоть и не булат, но оказались очень даже неплохого

качества. С первого взгляда было понятно, что ковал их настоящий мастер. Пара кривых кинжалов тоже порадовала, как и пара ножей, найденных в голенищах сапог. Пики он уже успел испытать в деле, а вот колчаны на седлах порадовали добрыми составными луками и сотней стрел разного назначения.

* * *

– Ну и на хрена я на них кинулся? – задумчиво бурчал парень, сидя у крошечного костерка, горевшего в вырытой ямке. – Ну разбирались мужики промеж себя, тебе-то какая тапочка?

Вопросы эти возникли у Беломира не просто так. Во всех собранных трофеях не нашлось ни одного клочка бумаги, ни кусочка современных материалов, вообще ничего, что могло бы хоть как-то подсказать, где он оказался и как много на это ушло времени. Вообще ничего. Зато вопросов все эти вещи прибавили так, что голова кругом шла. Прежде всего материалы, из которых они были изготовлены. Ничего синтетического. Только естественные, природные материалы и производные от них.

Далее, само качество изготовления. С первого взгляда становилось понятно, что сделано все было вручную. Стежки на поясах были проложены ровно, но явно не с равным интервалом. Все металлические предметы откованы в обыч-

ной кузне. Даже седла на лошадях и те были изготовлены кустарно. Все это не могло не удивлять и настораживать. И именно поэтому Беломир теперь старательно морщил лоб, пытаясь понять, что произошло и как он вообще до такой жизни докатился.

Помешивая болтушку в кирасе, которую он приспособил вместо котелка, парень старательно, буквально по секундам, вспоминал события того дня, когда все это безобразие началось. И признаться, воспоминания его не радовали. Судя по всему, виновником всего была шаровая молния. Ведь это именно ее свечение и треск он заметил в тот момент, когда кто-то в горячке двинул его по щиту, подтолкнув к этому протуберанцу.

Но как тогда получилось, что его перетаскило черт знает куда, да еще и перекинуло в другое время года? Этот вопрос не давал парню покоя. Если отбросить эмоции и забыть про все эти несоответствия, его должно было просто изжарить или в лучшем случае шарахнуть разрядом так, что он сварился бы в своем доспехе заживо. Хотя, с другой стороны, разряд вполне мог пройти по доспеху и уйти в землю, ведь железо – отличный проводник.

Раз за разом прокручивая в голове эти воспоминания, Беломир так увлекся, что едва не упустил свое варево. Муку он нашел все в тех же переметных сумках. Полоски завяленного до древесной сухости мяса обнаружили там же. Так что сварить хоть какую-то похлебку было проще всего.

Быстро переставив нагрудник с костра на траву, парень тихо выругался и схватился обожженными пальцами за мочку уха. Кое-как выгнутый из половинки поножи черпак сошел за ложку, так что вскоре он с удовольствием хлебал варево собственного приготовления.

Охотиться или еще как-то заявлять о своем существовании он пока не рисковал. Так и сидел в глубине перелеска на берегу родника. Уж очень странной была та толпа, из которой сбежали неизвестные и за которыми погнались степняки. Беломир никак не мог увязать в одну кучу все найденные несоответствия. Ну, не сходилось у него то, как легко степняки решили убить беглецов. А в том, что они собирались именно убивать, сомнений не возникало.

Оружие-то не бутафорское. Отковано и заточено на совесть. Так что любой бросок или удар был бы смертельным. Поев, Беломир откинулся спиной на седло и, покосившись на нагрудник, вздохнул. Похлебки он варил сразу на несколько приемов пищи. А вообще, пора было уже определяться и решать, в какую сторону двигаться. Сидеть тут, посреди степи, до бесконечности все равно не получится. Так что пора принимать хоть какое-то решение.

Тихий шорох в кустах заставил его насторожиться и потянуться за луком. Пусть он и не Робин Гуд, но всадить стрелу в противника с двадцати шагов сумеет. А в перелеске большего расстояния и не найти. Да и саблей тут не сильно помашешь. Налившийся весенним соком кустарник имел вет-

ви крепкие и гибкие, так что зацепиться было проще, чем высморкаться. Но едва только он успел наложить на тетиву стрелу, как из кустов послышался негромкий мужской голос:

– Гей, не стрельни, вой.

– Это кто тут гей? – автоматически возмутился Беломир и неожиданно понял, что последовавшую дальше фразу незнакомца просто не понимает. – Эй, выходи, – скомандовал он, не поднимая лука.

Выстрелить навскидку было не сложно, а вот поговорить сильно хотелось. Из кустов медленно, явно опасаясь, выбрался невысокий жилистый мужик неопределенного возраста. Темно-русые волосы с заметной сединой, такая же борода и широкие мозолистые ладони. Следом за мужиком выбрались двое детей. Мальчик и девочка. Явные родственники.

– Вы кто? – растерявшись, удивленно спросил парень.

– Родовичи будем, – все так же тихо произнес мужик. – Прости, вой, что тревожим, да только детки изголодались.

Сказанное мужиком звучало несколько иначе, но Беломир разобрал именно так. Сообразив, что ему хочет сказать этот человек, парень опустил лук и, кивнув, указал на нагрудник с похлебкой.

– Ешьте. Тут всем хватит.

Дети робко оглянулись на мужика и, получив его одобрителный кивок, бросились к похлебке. Беломир только понимающе вздохнул. Теперь он понял, кто это были такие.

Именно эту троицу и преследовали степняки. Выходит, они, как и он сам, просидели в перелеске почти двое суток. И если ему удалось разжиться хоть какими-то трофеями, то им приходилось обходиться только водой. Отступив, парень присел на седло и, набравшись терпения, принялся ждать, когда беглецы утолят первый голод.

Понятно, что ложек у них не было, так что есть это странное семейство вынуждено было по очереди. Они наклонялись к похлебке и всасывали губами жижу. А куски мяса просто вылавливали пальцами. Прикончили они похлебку быстро, едва нагрудник не вылизали. Понимая, что дети все еще голодны, Беломир потянулся было к сумке, где хранил припасы, но вспомнив, что сразу после голодовки наедаться нельзя, снова выпрямился.

Негромко что-то велел детям, мужик огладил бороду ладонью и, откашлявшись, глухо произнес:

– Благодарствуй, вой.

– Не на чем, – отмахнулся Беломир. – Скажи лучше, где мы находимся?

– Чего?

– Что это за место? – перефразировал парень свой вопрос.

– Так степь хазарская, – развел мужик руками.

– Какая? – растерянно переспросил Беломир.

– Так хазарская же, – настойчиво повторил мужик.

– Так, а море тут какое-нибудь рядом имеется? – почесав в затылке, уточнил парень.

– Так хазарское, – снова развел мужик руками.

– Блин, чего ни спроси, все хазарское, – растерянно проворчал Беломир, не понимая, что вообще происходит. – А напали на вас тоже хазары?

– Они, проклятые, – угрюмо кивнул мужик.

– Ой, мама, роди меня обратно, – фыркнул Беломир, не зная, плакать или смеяться. – Тебя как зовут, чудо? – решил он начать с самого начала.

– Жданом нарекли.

– И как вы у хазар оказались?

– Так налетели поутру, поганые, весь пожгли, народ положили и в степь погнали.

Говорил мужик так, что понимал его Беломир с пятого на десятое, при этом имея полное ощущение, что оказался участником какого-то фильма про глубокую старину. Разговор шел тяжело. Собеседники с огромным трудом понимали друг друга, но желание получить хоть какую-то информацию было сильнее. От усилий разобрать сказанное у Беломира даже голова разболелась. Устало потерев виски, парень махнул рукой и, посмотрев на прикорнувших у костерка детей, тихо спросил:

– Что дальше делать станете?

– Обратно в весь пойдем, – пожал Ждан плечами. – Иного пути нам нет.

– Так ведь пожгли ее.

– Угу, пожгли. Да все одно не всех в полон взяли. Многие

сбечь смогли. Теперь хазары ушли, так что не вернутся пока. А мы вернемся.

– И часто они так налетают?

– Теперь реже. Мало их стало. В степях теперь тоже неспокойно. Их татарва да ногайцы теснят.

– И далеко отсюда весь ваша?

– Ежели верхом, так два дня скакать. А пешим ходом седмицу идти будем.

– С детьми?

– Угу.

– Весело, – мрачно буркнул Беломир, понимая, что теперь не сможет оставить этих людей.

И дело тут было не в его человеколюбии, а именно в детях. Сам приютский, он отлично знал, что такое стать сиротой. А в том, что мужик этот будет за них драться до последнего, стало понятно сразу. Раз уж он умудрился увести их из невольничьего каравана и укрывать все это время, то и дальше будет опекать и защищать, пока сам жив. Но в степи, пешком и без оружия, они станут легкой добычей для любого, кто имеет хоть какую-то железку в руках.

– Ты оружием пользоваться умеешь? – задумавшись, заинтересовался парень.

– Чего? – в который уже раз слышалось в ответ.

– Саблей рубишь? Пикой колоть сможешь? Или, может, из лука стреляешь?

– Все малость умею, – оживился Ждан.

– Ладно. Спать ложись. Утро вечера мудренее, – махнул Кречет рукой, указывая Ждану на свободную попону.

Кивнув, мужик прихватил предложенную попону и, легко поднявшись, накрыл ею уснувших детей. Сам же, ловко нарвав травы, улегся рядом с ямкой, где дотлевали угли костерка. Понимающе вздохнув, Беломир устроился поудобнее и, прикрыв глаза, спокойно заснул. А чего попусту беспокоиться? Если решит Ждан ночью прирезать его, так будет сильно удивлен. Кольчугу-то ведь так и не снял. Да и спать он давно уже привык вполглаза. Еще в приюте такому научился.

Но ночь прошла спокойно. Проснувшись с первыми лучами солнышка, Беломир отошел в сторонку от лагеря и, приведя себя в порядок, принялся готовить завтрак. Достав из сумки сухие лепешки и все тот же высушенный до каменного состояния сыр, он осторожно растолкал Ждана и, кивая на тряпицу, где было все разложено, негромко скомандовал:

– Поднимай детей. Уходить отсюда надо.

– Добре, – разом проснувшись, кивнул мужик.

Быстро умывшись, он растолкал ребят и без долгих разговоров погнал их умываться. Быстро смолотив завтрак, они принялись собираться в дорогу. Оседлав лошадей, мужчины усадили детей в седла.

Взяв под уздцы коней, направились к опушке рощи. Но перед выходом Беломир выдал Ждану оружие: саблю, пику и кинжал с ножом. От лука Ждан почему-то отказался. Как выяснилось, с этим оружием мужик обращался плохо.

Выбравшись из перелеска, взрослые сели верхом, и Ждан направил коня в нужную сторону. Двигаясь спокойной, неспешной рысью, Беломир старательно осматривался вокруг, высматривая любую живность, которую можно будет пустить в пищу. Добытых у степняков припасов на долго не хватит. Это он понял еще прошлым вечером. Повесив повод на луку седла, он наложил стрелу на тетиву и, удерживая лук одной рукой, приготовился выстрелить при первой же возможности.

Примерно к середине дня преодолев километров двадцать, они выехали к берегу ручья. Не широкого, но быстрого. И с ходу наткнулись на небольшое стадо джейранов. Очевидно, у животных тут был водопой. Одним плавным движением вскинув и натянув лук, Беломир выстрелил. Сам того не ожидая, парень умудрился всадить стрелу джейрану прямо под лопатку. В сердце. Прыгнув вбок, животное попыталось в прыжке развернуться, но на землю упало уже на подогнувшихся ногах.

Ждан, буквально слетев с коня, рывком подтащил тушу к ручью и, одним движением перерезав ему горло, принялся сливать кровь в воду.

– Ох, и ловок ты, Беломир, – белозубо улыбнулся мужик, принимаясь разделывать добычу. – С одной стрелы взял. Теперь проживем.

– Соли мало. А то можно было бы как следует мяса в запас навялить, – вздохнул парень, с сожалением глядя на мо-

лодого самца.

– Так и навялим. Под седло положим и навялим, – весело отмахнулся Ждан.

– Это как степняки делают? – осторожно уточнил Беломир, начиная понимать, каким именно мясом он все это время питался.

– Ага. В дороге оно в самый раз будет, – кивнул Ждан, ловко сдирая шкуру.

– Так, ребятки. Давайте-ка лагерь разбивать, – почесав в затылке, скомандовал парень.

* * *

Разговор никак не клеился. И вовсе не потому, что собеседники не желали общаться, а потому, что понять сказанное Беломиру было весьма сложно. Ну не клеилось у него со старославянским языком. Совсем. Нет, несколько слов всплывали в памяти, но все эти иже, паки и тому подобное вызывали желание ляпнуть пару фраз из известного фильма. Но парень быстро сообразил, что ничем хорошим это не закончится. К тому же теперь настало время и ему ответить на вопросы новых знакомых.

Занимаясь заготовкой мяса, мужик то и дело ненавязчиво интересовался тем или иным предметом экипировки парня и внимательно выслушивал ответы. Впрочем, из всего сказанного Беломиром он и сам понимал едва ли треть. Рассевшись

у костерка, они дожидались, когда поспеет мясо, и между делом перекидывались вопросами. Наконец, парню эти танцы с бубнами надоели, и он на очередной наводящий вопрос устало произнес:

– Ждан, не крути. Спросить чего хочешь, так спрашивай.

– И спрошу, – чуть помолчав, решительно кивнул мужик. – Ты откель такой взялся? Чьих будешь? С виду навроде наш, а по речи то ли свей, а то ли и вовсе латинянин какой.

– С Белого моря я, – вздохнул Беломир, уже успевший выбрать хоть какую-то линию поведения. – Там, – махнул он рукой на север, – еще море имеется. Белым его кличут. Вот на берегу и жил.

– Из варяг, что ли? – удивился Ждан.

– Сам ты варяг, – фыркнул парень. – Говорю же, у моря жил. Помор значит.

– А доспех? Доспех-то латинянский, – ткнул мужик пальцем в кирасу.

– И что? – пожал Беломир плечами. – Доспех добрый, мастером сделан, вот и прибрал.

– Добыча выходит? – осторожно уточнил Ждан.

– Добыча, – кивнул парень, решив не вдаваться в подробности, чтобы окончательно не запутаться. И без того хватало недопониманий из-за языкового барьера.

– А здесь ты как? – зашел Ждан на следующий круг.

– Самому бы знать, – вздохнул Беломир, решив не множить сущностей и на этот вопрос ответить правду. – Не знаю,

как тут это называется, но мы говорим – шаровая молния.

– Чего?! Какая молонья?! – подскочил мужик, впившись в него настороженным взглядом.

– Шаровая. Ну, вот примерно такой шар, – показал он руками, – светится, трещит и сам по себе летит непонятно куда. Слышал про такое?

– Слышал. И видать даже довелось однажды, – осторожно кивнул Ждан.

– Вот таким шариком меня и приложило. Очнулся уже возле той рощи, – вздохнул Беломир, доставая из сумки обломок своего меча. – Вот, видишь. Так шандарахнуло, что даже железо доброе оплавилось, – закончил он, протягивая рукоять собеседнику.

– Счастлив твой бог, парень, – растерянно проворчал Ждан, внимательно рассматривая обломок, но при этом избегая брать его в руки. – Оно тебя живота лишить должно было.

– Обошлось, но шарахнуло крепко, – согласился парень, выразительно поглаживая себя по обгоревшей голове. – Вон, волосы все спалило да перекинуло непонятно куда.

– Мы ту молонью кличем Перунова оса, – негромко пояснил Ждан, не сводя взгляда с лица парня. – Бают, он, коль осерчает на кого иль решит, что сей муж ему в особом деле потребен, то посылает за ним осу. А та уж его и шлет, куда Перуну потребно.

– Перуну, значит... – задумчиво протянул Беломир, при-

кидывая, чем ему может грозить его же откровенность. – А вы, значит, еще за старых богов стоите?

– А ты что же, греческие требы правишь? – угрюмо поинтересовался вместо ответа Ждан.

– У меня свой бог, – отмахнулся Беломир, умудрившись даже не покривить душой.

Ведь на самом деле он и сам не знал, к какой конфессии относится и к какой вере относились его предки. Сам он никогда не был крещен и потому к религии относился с некоторым скепсисом, хоть и поминал иной раз имя божье. Особенно во время службы в армии. Как известно, в окопах атеистов нет. По большому счету ему, что старые боги, что новые, без разницы. Главное, чтобы жить не мешали. Особенно их прислужники.

– И как его у вас кличут? – не сдержал Ждан любопытства.

– Не поминай всеу, – вяло огрызнулся парень. – Это тебя кличут, а он бог. Всему роду заступник, – на всякий случай добавил он, чтобы хоть как-то объяснить свою резкость.

– Ну, тоже верно, – включил Ждан заднюю, сообразив, что влезает не в свое дело.

Из своих не самых обширных познаний славянской истории Беломир знал, что до пришествия христианства многие славяне носили два имени. Одно, что называется, для широкого пользования. И личное, или родовое, которое знали только близкие или члены рода. На этом он и решил сыграть. Оскорбить род – кровная обида, за которую можно бы-

ло и живота лишиться. Насколько это было правдой, ему еще предстояло выяснить, но в книжках писалось именно так.

– И чего теперь делать станешь? – сменил Ждан тему.

– Думаю, – в который уже раз вздохнул Беломир. – Обратно ехать... это почитай год пути. И непонятно, доедешь ли. В такую дорогу одного припасу воз нужен. Или серебра мешок. А главное, толком не понимаю, куда меня занесло, чтобы сообразить, куда именно ехать.

– Так сказано ж тебе, степь это хазарская. Ежели вон туда ехать, то через седмицу пути к хазарскому морю и выйдешь, – словно бестолковому, принялся пояснять Ждан, размахивая руками во все стороны сразу.

– А там, выходит, горы начинаются? – уточнил парень, ткнув пальцем в сторону, где по его прикидкам должен находиться Кавказский хребет.

– Верно, – обрадованно закивал собеседник.

«Твою ж мать! Похоже, я к этим местам пожизненно привязан», – мысленно проворчал Беломир, невольно вспоминая службу.

Перевернув почти готовый шашлык, Ждан приподнялся, высматривая детей. Пользуясь тем, что взрослые были заняты заготовкой мяса, они, набрав хвороста, сбежали к ручью, где мальчишка, явно красуясь перед сестрой, пытался наловить рыбы голыми руками. Благо вели они себя тихо, так что отрывать ребят от этого увлекательного занятия мужчины не стали. Потянувшись, Беломир откинулся на спину, уклады-

ваясь на снятую с коня попону.

Повернув голову набок, парень уже собирался прикрыть глаза, чтобы немного подремать перед ужином, когда странный, но очень знакомый звук заставил его насторожиться. Ждан уже собрался что-то спросить, но вскинутая открытая ладонь заставила его замереть с открытым ртом. А спустя несколько секунд Беломир, сообразив, что именно услышал, вскочил и, подхватывая с седла оружие, тихо скомандовал:

– К бою!.. Ждан, детей прикрой.

– Ты чего всполошился? Чего стряслось? – суетливо спрашивал мужик, при этом не забывая хозяйственно снимать с углей прутья с мясом.

– Кони. Едет сюда кто-то. Детей укрой, – как мог, объяснил Беломир и, подхватив колчан, кинулся к урезу берега.

Берег ручья, где они устроились, протекал в распадке, так что увидеть их со стороны можно было, только подъехав к самому спуску. Но у этой позиции была и плохая сторона. Увидеть противника они могли бы, лишь когда тот окажется в десятке метров, на краю распадка. Подбежав к самому краю, парень бросил на землю пику и, упав на живот, осторожно выглянул. В их сторону, явно по следам лошадей, двигались три всадника.

С первого взгляда стало понятно, что это соплеменники тех бандитов, что он умудрился положить в перелеске.

«Да чтоб тебя, баран! – мысленно выругался Беломир. – Трудно было догадаться, что за теми степняками другие при-

дут? Расслабился, кретин...»

Не теряя времени, он быстро натягивал на лук тетиву, сплетенную из каких-то жил. Негромко заскрипев, лук принял петельку и, натянув тетиву, еле слышно загудел, словно радуясь предстоящему бою.

Помня, что стрелок он не особо ловкий, парень присел так, чтобы, встав в полный рост, сразу оказаться выше уреза склона, и, наложив на лук стрелу, плавно потянул.

Стук копыт раздавался все ближе. Степняки, не желая морить коней, двигались неспешной рысью, стараясь не потерять след. А самое главное, пики они держали вертикально, что давало Беломиру возможность заметить всадников прежде, чем те окажутся на самом краю распадка.

Заметив наконечники, он понял, что тянуть больше нельзя, и плавно выпрямился, одновременно наводя лук на противника. Удерживать сложный составной лук в натянутом состоянии было очень тяжело, но иного выхода он не видел. Натяжка и прицеливание требовали времени, к тому же при натяжении лук начинал негромко скрипеть, что сразу бы выдало его. Поэтому пришлось собраться с силой.

Но едва только наконечник стрелы практически уперся в грудь шедшего первым всадника, парень отпустил тетиву. Короткий свист, глухой удар, и степняк, захрипев, начал заваливаться на круп лошади. Выстрелив, Беломир тут же нырнул обратно под урез распадка. Наложив вторую стрелу, он сделал пару шагов в сторону и, снова натянув лук, выпря-

мился. Но степняки недаром всегда считались грозой этих земель. Едва только над урезом появилась его голова, как два воина его заметили и тут же попытались прикрыться щитами.

Но Беломир не просто так отскочил в сторону. От своей первой позиции он сдвинулся влево, чтобы оказаться правее стоящих лицом к нему всадников. На этот раз пущенная стрела ударила степняка в правое плечо, и, судя по его ругани, рана была не особо тяжелая. Реакция у степняка оказалась выше всяческих похвал. Не успев полностью прикрыться щитом, он тем не менее умудрился его краем отклонить стрелу так, что она ударила его в плечо, не причинив особого вреда.

Третий всадник, гортанно что-то выкрикнув, пришпорил коня и, прикрывшись щитом, ринулся в атаку, наводя наконечник копья в грудь противнику. Понимая, что выстрелить еще раз ему просто не дадут, Беломир бросил лук и, прыгнув к своей первой позиции, подхватил пику. Вторым толчком вымахнув из распадка, он пробежал пару шагов вперед и приготовился к драке. Выставив перед собой копье, он ждал противника, мысленно прикидывая свои дальнейшие действия.

Свесившись с седла, степняк примерился и резко ударил пикой, одновременно уводя коня в поворот. Беломир, заметив начало движения и уже будучи готовым к нему, сделал кувырок вправо, уходя от удара и оказываясь слева от про-

тивника. Вскочив, парень не раздумывая перехватил свою пику и, размахнувшись, метнул ее в спину степняку. Не до благородных жестов сейчас. Их и так слишком много на него одного.

Лошадь степняка, резко сбросив на повороте скорость, еще не успела разогнаться, так что до противника было не больше полутора десятков шагов. В общем, Беломиру в очередной раз повезло. Пика, пробив кожаный доспех, вошла степняку между лопаток, бросив его на шею лошади. Но парню было не до любования результатом. Раненный его стрелой степняк, громко что-то проорав, бросил пику и, выхватив саблю, ударил коня каблуками.

Выхватив трофейную саблю, Беломир сделал еще пару шагов вперед, плавно прокручивая оружие в руке, чтобы как следует размять кисть. Похоже, на этот раз ему придется сдать самый главный экзамен на владение оружием. И оценкой в случае победы будет его собственная жизнь. Но как ни странно, страха не было. Возникло волнение, злость, растерянность, но не было того отвратительного чувства, которое заставляет человека зажмуриться и свернуться калачиком.

Подскакав, степняк с ходу рубанул своим клинком, словно ожидая, что парень будет тупо стоять на месте. Сделав шаг в сторону, Беломир пропустил удар противника и тут же рубанул его по бедру. Степняк, вскрикнув, нанес обратный удар, даже не пытаясь развернуть клинок, но парень, присев, пропустил удар над головой и тут же ударил в ответ. На этот

раз по колену.

Очевидно сообразив, что проигрывает, степняк попытался развернуть коня, натягивая правый повод и таким образом заставляя парня отступить, но Беломир понимал, что отпустить в степь его нельзя. Удрав, он приведет целый отряд, и тогда им придется плохо. Резко присев на корточки, Беломир с силой хлопнул коня по груди плашмя клинком, заставляя вскинуться на дыбы, и, тут же шагнув вправо, оказался слева от противника.

Натягивая повод, степняк пытался удержаться в седле, но раненая нога подвела. Не было упора в стремя, и потому он начал заваливаться влево, прямо на своего пешего противника. Этим Беломир и воспользовался. Один сильный, резкий удар по шее, и все закончилось. Хрипя и булькая кровью из разрубленного горла, степняк упал на землю. Перехватив повод вставшего на передние ноги коня, парень заставил его остановиться и, оглядевшись, тихо вздохнул:

– Расскажи кому – не поверят.

В себя его привел голос выглянувшего из-за уреза Ждана.

– Никак управился, – восхитился мужик, настороженно оглядывая поле боя.

– Нет, блин. Тебя ждать стану, – фыркнул Беломир в ответ и, повысив голос, велел: – Коней лови. Я пока тела осматриваю. Нам еще долго ехать, в дороге все пригодится.

Глухо застонав, Беломир осторожно пошевелил головой и, вздрогнув, гулко сглотнул. В башке, пусть и пустой, словно куча бильярдных шаров перекатывалась. Медленно перевернувшись на бок, он попытался пошевелить руками, но сразу понял, что они связаны. Обведя все окружающее мутным взглядом, парень мрачно хмыкнул и, попытавшись облизать сухим языком потрескавшиеся от жажды губы, тихо проворчал:

– Расслабился, идиот. Забыл, что любой чужак – это всегда враг. Ладно, мужик. Земля, она круглая. Придет время, сочтемся. Твою мать!

Последнее высказывание вырвалось у него невольно, когда сообразил, что лишился всего, кроме футболки и штанов. Даже сапоги с него сняли. Кто это сделал, сейчас было не так важно. Важнее было как можно быстрее прийти в себя и вырваться из этой ловушки. Недолгий осмотр показал, что, оглушив его и связав, захватчики сунули парня в какую-то землянку. Почему землянку? Так стены у этого сооружения были земляными. А кривоватые продухи находились под самой крышей. За ними, даже из его положения, было видно, как на ветру покачиваются пучки свежей травы.

Стены землянки были забраны чем-то вроде плетня. То есть заплетены были так же, как обычно на юге делают пле-

тень для огородки вместо забора. Впрочем, тут все было понятно. Толстые прутья найти в степи гораздо проще, чем деловую древесину. Вот местные и извращались, как получится, используя то, что под руку подвернулось. Постановывая от боли в затылке, а точнее, в точке чуть ниже макушки сзади, парень кое-как поднялся на ноги и, медленно обходя землянку по периметру, принялся искать что-то, с помощью чего можно было бы развязать или перетереть веревку на руках.

Торчащий из плетня кусок высохшего прута вселил в него некоторую надежду.

Развернувшись к стене спиной, Беломир согнул ноги в коленях и, пальцами нащупав выступающий прут, принялся тереть веревку о его срез. Древесина прута уже крепко высохла, так что с веревкой должна была справиться. А если вспомнить, что тут все материалы только природные, то много времени это действие не должно было занять.

Беломир чувствовал, как цепляются и рвутся о прут волокна, и тихо шипел сквозь зубы, мечтая добраться до глотки Ждана. Ведь он поверил мужику, решил, что, помогая выбраться из передраги, сможет заручиться хоть какой-то его поддержкой, пока сумеет определиться, где находится и что делать дальше. А эта сволочь, едва увидев с гребня очередного холма свою весь, треснул его по затылку древком пики и обобрал до нитки.

И ведь до последнего изображал из себя эдакого добрячка, у которого лишь одна забота – спасти детишек. А Беломир

и уши развесил. Болван! Произнеся это слово с особой яростью, парень рванул веревку резче, чем прежде, и ощутил, что руки обретают свободу. Быстро скинув путы, он принялся старательно растирать кисти, чтобы вернуть им подвижность. Вот теперь, даже без оружия, он был по-настоящему опасен. А главное, очень зол.

Подхватив сброшенную веревку, Беломир поднес ее к свету и, осмотрев, бросил, презрительно скривившись. Местные сплели ее из какой-то травы, просто высушив длинные стебли. Быстро осмотревшись, парень подобрался к ближайшему продуху и, ухватившись за плетень, подтянулся, пытаясь выглянуть наружу. Но судя по открывшемуся пейзажу, землянка находилась на самом краю веси, так что ничего, кроме уже привычной степи, он не увидел.

Зато заметил кое-что другое. Прут, на котором он висел, больше походил на нетолстую жердь. А жердь в его положении – это уже оружие. Зависнув на одной руке, Беломир второй выдернул ее из плетня и, спрыгнув на пол, зло усмехнулся. Вот теперь любому вошедшему не поздоровится. И пусть эта палка длиной всего метра полтора и изогнута, словно бык поссал, главное, что она неплохо высушена и при этом еще не пересохла. То есть после крепкого удара не сломается.

Тихое шебуршание у двери заставило парня подобраться и скользнуть в угол справа от входа. От резких движений голова разболелась еще сильнее, но Беломир усилием воли оторшился от всех чувств, вогнав себя в состояние, чем-то на-

поминающее боевой транс. Этому он научился еще в армии, у разведчиков, стоявших рядом с их расположением. Парни регулярно устраивали тренировки по рукопашному бою, чем Беломир и пользовался.

Именно они и научили его входить в это состояние, чтобы не изводить себя разными мыслями и держать свой организм под жестким контролем. Вот и сейчас он стоял в самом углу, готовый зубами глотки грызть, лишь бы вырваться из этой западни. Плетеная дверь, обшитая какой-то шкурой, отворилась, и в световом пятне на полу землянки пленник отчетливо увидел силуэт человека, начавшего спускаться в этот зиндан.

После яркого солнечного света вошедший еще явно не проморгался, чем Беломир и не преминул воспользоваться. Резкий удар, и неизвестный беззвучно повалился на пол. Бросив жердь, Беломир быстро обыскал мужика и разжившись паршивеньким ножом, снова подхватил свое оружие. Воспользоваться этим телом, как заложником, он не рискнул. Слишком много сил понадобится, чтобы вытащить его наружу. Бил-то парень от всей своей широкой души.

Выскользнув из землянки, Беломир присел на корточки у самого входа, старательно смаргивая набежавшие от яркого света слезы. Сейчас ему потребуются все его знания и умения. Из этой деревни нужно было уходить любым способом. Даже если придется кого-то прирезать. А еще неплохо было бы вернуть себе свое имущество. Не для того попада-

нец головой рисковал, выходя в одиночку против нескольких опытных воинов в степи.

Убедившись, что зрение полностью восстановилось, Беломир медленно двинулся к центру деревни. Первым делом надо найти воду. Дальше – того, кто знает, где его добро, и последним пунктом программы было добраться до коней. Месть может пока и подождать. Как не хотелось ему подержать Ждана за нежные места, причем желательно с летальным исходом, свобода все-таки важнее.

Прячась за всякими кустами и кое-как сваленным скарбом, парень добрался до точки, которую условно обозначил для себя как центр деревни.

Присев за перевернутой телегой, он осторожно выглянул из-за нее и едва сдержался, чтобы не испустить радостный вопль. На краю широкой утоптанной площадки на длинной лавке восседали три старика, перед которыми стоял Ждан, всем своим видом выражая почтение и покорность. Судя по композиции, это были старшины, или старейшины деревни. Хрен знает, как оно тут будет правильно. А значит, за их жизнь местные вернут все, что посмели отобрать.

Чуть приподнявшись, Беломир принялся высматривать подходящий путь для незаметного приближения к старикам. Объявлять о своем освобождении на всю округу пленник не собирался. Что называется, сюрприз будет. Его футболка цвета хаки из прежней жизни неплохо сливалась с местной травой, так что, если не делать резких движений и не

шуметь, все должно получиться. Тем более что по краю площадки часто росли какие-то кусты, очень напоминавшие шиповник.

Опираясь на кулаки и носки ног, Беломир медленно пополз в нужную сторону, двигаясь словно ящерица или крокодил. Этому способу его тоже научили разведчики. Так передвижение было гораздо тише, а главное, из такого упора проще было вскочить. Да, ползущий возвышался над травой, но передвижение по-пластунски ему сейчас не подходило. Ему нужна была тишина, так что двигался парень буквально по сантиметру. Что называется, медленно и печально.

Сколько он добирался до нужного куста, Беломир не знал. Да и не важно это было. Главное, что в конечном итоге парень оказался там, куда стремился. Устроившись за кустом, прямо за спиной у сидевшей троицы, он прислушался к разговору и в очередной раз зло усмехнулся.

Ждан получал от стариков крепкий втык. Сурово глядя на понурившегося мужика, старейшины выговаривали ему за что-то, напоминая, что тот имел дело с серьезным воем.

О чем именно шла речь, Беломира сейчас не интересовало. Прикинув всю дальнейшую партитуру, парень перехватил свою жердь поудобнее и, несколько раз глубоко вдохнув, одним резким движением взмыл на ноги, одновременно нанося удар Ждану. Жердь гулко свистнула в воздухе и с треском сошлась с головой коварного мужика. Отреагировать не успел никто. Следующим ударом Беломир отправил в нир-

вану одного из стариков и, треснув по спине второго, ударом ноги отшвырнул в пыль третьего.

Потом, перепрыгнув и куст, и лавку заодно, он вздернул получившего по хребту мужчину на ноги и, прижав к его шее нож, захрипел пересохшей глоткой:

– Эй, ты, вставай! Приведи сюда моих коней и принеси все, что эта паскуда у меня украла, – приказал он отброшенному ногой, кивая на Ждана.

– Ох, и ловок ты, – проскрипел мужчина, с кряхтением поднимаясь на колени. – Едва духу не лишил, изверг.

– Шевелись, старая мразь, а то я вас всех здесь порешу, – рывкнул Беломир, встряхивая своего заложника и еще крепче прижимая нож к его шее.

– Не ярись, – примирительно выставив перед собой ладони, попросил старик. – Ждан не хотел дурного. Он за весь нашу боялся. Воев-то почитай не осталось. Вот и решил прежде, чтобы мы с тебя спрос сняли, а уж после и оружие тебе вернуть.

– Мне плевать, что он хотел, а чего нет. Он вор, а значит, тут и сдохнет. Добро мое верните, – захрипел парень, судорожно сглатывая.

Очевидно, его хрип и короткая схватка привлекли внимание обитателей деревни. Люди начали собираться на противоположном краю площадки, угрюмо глядя на взбешенного парня. Старик оглянулся и, найдя кого-то взглядом, кивнул. Из собравшейся толпы выскочил подросток лет тринадцати

и, сверкая босыми пятками, куда-то умчался. Спустя минут двадцать он вернулся обратно, ведя в поводу собранных в цуг коней, на которых было навьючено все добытое оружие и собственный Беломира доспех.

– Не яришь, вой. Тут все, что с тебя взято. Прости Ждана. Не хотел он дурного тебе... – устало произнес старик, все так же стоя на коленях.

– Дурак он, твой Ждан. Стал бы я детей спасать, коль чего плохое задумал, – фыркнул Беломир, чувствуя, как руки начинают дрожать, а перед глазами то и дело всплывает туман. Похоже, по голове ему прилетело крепче, чем он решил. – Одежду мою вынь и кольчугу, – скомандовал резко подростку, смотревшему на него с мрачной решимостью. – И не вздумай прыгать. Прирежу, пикнуть не успеешь, – добавил Беломир, наблюдая, как из сумок появляются его сапоги, портянки, поддоспешник и кольчуга. – Саблю тоже вынь и на лавку положи, – продолжал командовать он, не опуская руки с ножом. – А теперь пусть все отойдут подальше. Вели им, – встряхивая старика, потребовал парень.

Все еще стоявший на коленях старейшина повелительно взмахнул рукой, и жители деревни с явной неохотой отступили шагов на десять. Подбив старику ноги, Беломир усадил его на землю и, шагнув к лавке, принялся обуваться. Намотать портянки для опытного бойца дело пары секунд. Чуть притопнув сапогами, Беломир с облегчением вздохнул и тут же принялся натягивать на себя поддоспешник. Следом на-

кинув кольчугу, он перетянул ее трофейным поясом и, подхватив саблю, сунул ее в ножны.

– Куда ты теперь? – тяжело поднявшись, осторожно поинтересовался старик.

– Подальше от подлецов неблагодарных, которые в спину бьют, – огрызнулся Беломир, усилием воли заставляя себя двигаться.

– Вижу, плохо тебе, вой. Останься. Передохни.

– Чтоб вы меня снова ограбили, но прежде зарезали, чтобы подобного не случилось? – презрительно усмехнулся парень.

– Не бывать тому. Слово даю, – гордо вскинувшись, твердо ответил старик.

– Нет. Вам поверить значит себя обмануть, – жестко отрезал парень, быстро проверяя трофеи в переметных суммах.

Местные и вправду вернули все, что взяли. До последнего ножа и до сломанной стрелы, где сохранился железный наконечник. Лошади явно были отдохнувшими и вычищенными. Значит, в той землянке Беломир провалялся не менее суток. Все это парень отмечал автоматически, борясь с дурнотой и регулярно накачивающим желанием лечь и не шевелиться. Сцепив зубы, он тяжело поднялся в седло и, покосившись на Ждана, одним плавным движением провернул в руках пику, направляя ее наконечником вниз.

– Не надо!! – раздался пронзительный детский крик, и перед Беломиром словно из-под земли возникла фигурка де-

вочки. — Не убивай его, дяденька! — всхлипывая, попросила девочка, и парень, присмотревшись, сквозь туман признал одного из детей, которых спасал в перелеске.

— Повезло уроду, — прошипел Беломир, толкая каблуками коня.

Убить человека на глазах у его ребенка парень не мог. Даже война не настолько его изменила. Кречет вывел свой цуг на окраину веси и, припомнив, откуда они приехали, тряхнул поводом, поторапливая коня. Дурнота накатила с особой силой, а дальше словно кто-то выключил свет.

* * *

Тихий говор рядом сменился такими же тихими шагами. Сделав глубокий вдох, Беломир медленно выпустил воздух через нос и очень осторожно пошевелил головой. Все недавно случившееся разом всплыло в памяти, и парень первым делом пошевелил кистями рук, чтобы проверить, не связан ли он снова. Убедившись, что руки свободны, так же осторожно пошевелили ногами и, поняв, что никаких веревок и других пут не имеется, решительно открыл глаза, сразу направив взгляд туда, где слышал разговор.

Сидевшая на невысокой скамеечке уже знакомая парню девчушка, еле слышно что-то напевая, старательно пыталась пряхсть. Похоже, ребенок учился, постигая науку ведения домашнего хозяйства. Нитка у нее получалась неровная, но

девчушка явно старалась. Пользуясь тем, что ребенок не замечает, что он очнулся, Беломир огляделся, стараясь не шевелить головой.

Он снова оказался в землянке, но при этом явно в обитаемой. Какие-то полочки на стене, стол под ними и выделанная шкура джейрана на стене у кровати. Да и лежанка, на которой он очнулся, сделана была явно не на скорую руку. Во всяком случае, пока он проверял конечности, она ни разу не скрипнула. Убедившись, что из разряда врага его вдруг перевели в разряд, скорее всего, нейтральный, Беломир приподнял голову и тихо, чтобы не напугать девочку, попросил:

– Верея, дай водицы испить.

– Ой, опамятовал, – обрадованно ахнула девочка и, бросив свое рукоделие, вскочила.

Подскочив к столу, Верея аккуратно налила в глиняную кружку воды из высокого кувшина и, поднеся ее парню, радостно сообщила:

– А про тебя тут уже дед Велизар спрашивал. Ему с тобой побаять потребно. Сей же час его кликну.

И прежде, чем Беломир успел что-то ответить, вымелась из землянки наружу. Понимая, что теперь разговора все равно не избежать, парень допил воду и принялся ревизировать собственный организм. Ощупав затылок, куда пришелся удар древком пики, он убедился, что шишка стала заметно меньше и уже не так сильно болит. Да и общее состояние сознания было гораздо лучше. Во всяком случае, дурноты и

каких-либо еще признаков сотрясения не наблюдалось.

Выходит, после его попытки вырваться из веси прошло не менее двух суток. Словно в ответ на его выводы, желудок парня выдал долгую звучную руладу. Впрочем, чувство голода стало для него уже привычным с момента попадания в степь. Чувствуя, что не мешало бы посетить местные удобства, Беломир сел и, свесив ноги с лежанки, нашел взглядом свои сапоги. К его огромному удивлению, в углу, рядом с переметными сумами, было сложено и все добытое оружие.

Задумчиво хмыкнув, Беломир быстро накрутил портянки и, обувшись, осторожно встал. По прошлому он отлично помнил, что резко вскакивать после долгого лежания не рекомендуется, так что старался двигаться не торопясь. Без излишних нагрузок. Убедившись, что ноги его держат, а голова на смену положения ведет себя вполне нормально, парень выбрался из землянки и, встав на пороге, задумчиво огляделся. Выручила его подбежавшая Верея. Увидев парня, она с ходу принялась его отчитывать, явно кому-то подражая:

– Да что ж ты вскочил-то, неутомонный. Едва взор разверз и бежать куда-то собрался.

– Не шуми, детеныш, – усмехнулся Беломир. – Лучше скажи, где тут у вас оправиться можно?

– Чего? – удивленно переспросила девочка.

«Ой, мама, роди меня обратно», – мысленно взвыл парень и, чуть тряхнув головой, принялся подбирать нужное определение.

– Где тут можно облегчиться? Туалет, сортир, клозет где?

– Так бы и сказал, – фыркнула девчонка. – Вон туда ступай, – ткнула она пальцем, явно отреагировав на слово облегчиться.

Двинувшись в указанном направлении, Беломир наткнулся на неглубокий овражек, где было оборудовано что-то вроде общественного туалета. Кабинки, сплетенные все из тех же прутьев, установленные над ямами. Покрыто все это сооружение было какими-то старыми шкурами. По принципу, главное, чтобы за шиворот не лилось. Быстро управившись со своими потребностями, парень выбрался из оврага и, переведя дух, отправился обратно.

Пытаться уехать сейчас, едва встав на ноги, было бы неправильно. Для начала необходимо убедиться, что все последствия удара по бестолковке прошли. Да и информация обо всем происходящем вокруг была бы совсем не лишней. Пора уже наконец определяться, куда его занесло и как отыграть все обратно. Пусть там у него была не самая приятная, где-то бестолковая, но уже привычная, налаженная жизнь, но что ему делать тут – парень даже представить себе не мог.

Спустившись в землянку, он сразу увидел сидящего на лавке у стола того самого старика, что давал ему слово, что больше его никто не тронет. Чуть улыбнувшись, старейшина огладил длинную бороду и, окинув парня долгим, оценивающим взглядом, одобрительно кивнул.

– Опамятовал. Крепок ты, вой. И в драке зело лют. Но се-

бя не забываешь и крови лишней не льешь. Добре тебя учили. Уж прости, что все вышло так – не по правде. Не держи сердца. Ты и так уж Ждана наказал. По сей день без памяти лежит. Присядь, побаим.

Кивнув, Беломир присел на лежанку и, осторожно откинувшись на стену, вопросительно посмотрел на старика. Раз сам предложил поговорить, так и начинай разговор. А там посмотрим, кто кого спрашивать будет. В любом случае информация ему была нужна как воздух.

– Ждан баял, что ты откель с северных земель пришел, так ли? – раздался первый вопрос.

– Так. Только не пришел. Перебросило меня. Как? Не спрашивай. Самому бы знать. Вон, волосы все на голове спалило, да от меча моего огрызок оплавленный остался. Этот гад говорил, у вас такая штука Перуновой осой называется. Вот она меня и перекинула, – ответил Беломир, решив держаться одной линии. В любом случае иного объяснения своего переноса в пространстве и времени у него не имелось.

– Видел я меч твой, – задумчиво кивнул старик. – Да и волосы твои приметить не трудно. А еще, старики бают, что слышали вроде про такое, чтобы Перун осой своей нужного ему воя переносил. Бывало.

– Бывало? – моментально подобрался парень. – Выходит, я тут не один такой. А где это было? Когда?

– Не ведаю, – качнул старейшина бородой. – До нас только слух дошел. Да и давно это, сказывают, было. Тех воев

почитай и нет уже.

– Понятно, – вздохнул Беломир, беря себя в руки. – Тогда скажи, где мы? То, что это степь, я уже давно понял. Но где именно в степи?

– Да как же я тебе растолкую? – растерялся старик. – Степь, она и есть степь. В ту сторону поедешь, к морю Хазарскому придешь. Туда – к горам путь, а уж туда – река великая будет.

– Итиль? – быстро уточнил парень, вовремя вспомнив старое название Волги.

– Она, – кивнул старик.

– Ладно, попробуем по-другому, – проворчал Беломир и, выдернув из ножен кинжал, присел на корточки. – Вот смотри. Вот море, вот так, от него горы идут, а вот тут, примерно вот так, река, – пояснял он, быстро вычерчивая кончиком клинка названные объекты. – Вот это все ваша степь. И где тут весь ваша стоит?

– Это что ж такое? – растерянно уточнил старик. – Откель чудо-то такое?

– А это, ежели на землю, как птица, сверху смотреть, то вот так все оно и будет, – принялся объяснять парень, сообразив, что упорол серьезный косяк. Что такое карта, эти непонятные граждане, похоже, и понятия не имели.

– Ага, сверху, значит, – оживился старик. – Вот это, выходит, Итиль, а это – море. Тогда весь наша вот тут и будет. Седмицу конным ходом, и горы эти самые и будут.

– А в горах сейчас кто обитает? – помолчав, на всякий случай уточнил парень.

– Есть там народ, – вздохнул старик, оглаживая бороду. – Адигами себя кличут. Татарва их еще серкешами зовет. А пред теми горами черкасы обитают. Их еще бродниками иной раз зовут. Тоже вои. Своим укладом живут, но того, кто в драке не силен, не принимают. Бают, что истый черкас завсегда готов с боярами да князьями за волю свою драться.

– Черкасы, бродники? – растерянно повторил Беломир, судорожно вспоминая все, что когда-то читал или слышал о таких названиях.

По всему выходило, что серкеша – это те, кого после стали называть черкесами. А черкасы или бродники – это будущие казаки. Такие названия мелькали в летописях времен Ивана Третьего. Во всяком случае, это было все, что парню удалось вспомнить.

– К бродникам пойдешь? – нарушил старик молчание.

– Не знаю пока, – качнул Беломир головой.

– А может, в веси останешься? – осторожно предложил старейшина.

– Сам сказал: вой я. Не ратай, – понимающе кивнув, вздохнул Беломир.

Ему и вправду был понятен ход мыслей старика. После налета хазар в деревне мужчин, способных отбить нападение, почти не осталось. Да и с оружием тут не очень. Точнее, вообще никак. Во всяком случае, парень ничего такого не

замечал. А тут не самый бестолковый вояка с кучей всякого колющего и режущего железа, умеющий хоть как-то с этим самым оружием управляться.

– Не спеши уходить, Беломир. Едва опамятовал. Дай срок, пусть голова заживет, – вздохнув, тихо попросил старик.

– Не спешу. Но и вам теперь ртов кормить много придется. А меня одной репой кормить – только репу переводить. Волка сеном не кормят, – усмехнулся парень, отлично понимая, чего старик добивается.

Сейчас, после нападения, их весь была добычей даже для кучки татарских или еще каких пастухов, просто потому, что эти пастухи гораздо ловчее обращаются с луками и пиками. Ведь защитить отару от хищников одной плетью не получится. Сожрут, вместе с плетью. Особенно зимой. Да и наездники они, что называется, от бога. В общем, старейшинам в нынешнем положении даже один боец – большое подспорье.

– Добре, – помолчав, вздохнул старик. – Тут оставайся, сколь сам решишь. Верея тебе в помощь будет. А дальше, как род решит, – закруглил он беседу и, поднявшись, не торопясь вышел.

Проводив его взглядом, Беломир подошвой сапога затер свои каракули на полу и, вздохнув, уселся на лежанку. Требовалось осмыслить все услышанное. Осмыслить и попробовать все это принять. До сегодняшнего дня Беломир воспринимал происходящее словно сквозь какую-то призму. Как игру, в которую его случайно затянуло, и по окончании ко-

торой все снова вернется на свое место. Но чем больше проходило времени, тем отчетливее он понимал, что ничего уже не изменится.

И что все происходящее теперь его действительность, в которой ему придется жить до самого конца. Быстро вошедшая Верея выставила на стол горшочек с каким-то варевом и, коснувшись его плеча, тихо предложила:

– Поснидай, дяденька. Каша добрая вышла. С мясцом.

– Благодарствуй, – на автомате кивнул парень. – А чай у вас тут имеется? Ну, травка такая сушеная, ее горячей водой заливают, а как настоится, пьют.

– Слыхала. Взвар травяной, – со смешной важностью кивнула девочка. – Токма нет его у нас. Водицей родниковой обходимся.

– Ну и то ладно, – кивнул Беломир, пересаживаясь к столу и беря ложку.

Деревянная, грубо вырезанная, именно она, как ни странно, больше всего убедила парня в реальности всего происходящего. Проглотив варево, не замечая вкуса, Беломир отдал пустую посуду девочке и, попросив ее до утра его не беспокоить, улегся на лежанку. Сытость вызвала огромное желание прикорнуть, а взбудораженное сознание прогоняло сон, заставляя прокручивать в голове все услышанное снова и снова.

Уже в сумерках Верея внесла в землянку кувшин со свежей водой и, попрощавшись, убежала. Прикрыв за ней дверь,

Беломир бездумно прошелся по землянке, автоматически выпив кружку воды, снова улегся. Мысли скакали взбесившимися зайцами, прыгая с темы на тему, но ничего путного в голову не приходило. Дикая мешанина из планов, вариантов возвращения и просто панических выводов, не более.

В землянке окончательно стемнело, а сон так и не шел. Вертясь с боку на бок, Беломир пытался понять, что произошло и почему это случилось именно с ним. А главное, как ему теперь быть. Но ответа на свои вопросы не находил. Наконец отбросив все посторонние планы, он сосредоточился на событиях последних дней, и вот тут его вдруг накрыло. Ужас, паника, дикое желание бежать куда глаза глядят.

Он и сам не понимал, что с ним происходит. Свернувшись калачиком, парень заткнул себе рот собственным кулаком и тихо, еле слышно заскулил, будучи не в силах сдержаться.

* * *

Сутки Беломир ходил словно в воду опущенный. В голове творился сумбур и сплошная неразбериха. Хотелось бросить все и бежать из деревни куда глаза глядят. И только воля помогла ему удержаться на грани и обойтись без срывов и истерик. Хотя состояние у него было проще удавиться. А еще ему очень хотелось сцепиться с кем-нибудь в драке. И неважно с кем. Главное, чтобы противник был настоящий, а не местные увальни, способные только рожи друг дружке

бить, да и то на праздники.

Настоящих бойцов в веси после налета почти не осталось. Хазары налетели неожиданно. Как оказалось, ни о каком наблюдении за окрестностями тут и понятия не имели, исходя из постулата: степь ровная, успеем заметить и приготовиться. Вот и успели. Большую часть населения деревни угнали в рабство. С этим тут было просто. Все жители степей работоторговлей промышляли регулярно и с удовольствием.

Так что детский крик, известивший об очередной беде, Беломир воспринял как манну небесную. Сидя на пороге землянки, парень угрюмо размышлял о своей дальнейшей судьбе, когда вдруг откуда-то с противоположного конца деревни раздался пронзительный вопль:

– Татары-ы!

Вздрогнув от неожиданности, парень почти скатился в землянку и судорожно принялся экипироваться. Поддоспешник, кольчуга, пояс с кинжалом, нож за голенище, перевязь с саблей и пика в руку, вот и все сборы. Вылетев наружу, Беломир остановился и, заметив на краю веси с десятком всадников, ринулся в ту сторону. Колчан за спиной приходилось придерживать локтем, так что сабля болталась на поясе, то и дело норовя за что-нибудь зацепиться.

Благо опыт подобного ношения оружия у него имелся, так что обошлось бед досадных падений. Забежав за все ту же, перевернутую телегу, парень воткнул пику в землю и выхватил из колчана стрелу. Степняки с хохотом ловили арканами

людей, то и дело сбивая их с ног грудью коня. Выбрав самого богато одетого, Беломир натянул лук и, зло ощерившись, разжал пальцы. Сам себя он никогда не считал серьезным стрелком, но в этот день в парня словно бес вселился.

Заметили его после третьего выстрела. Степняки, тут же бросив отлов людей, развернули коней и, прикрывшись щитами, взялись за луки. Но перестрелки не получилось. Вылезать на открытое пространство Беломир не собирался. Пригнувшись, он накладывал на тетиву стрелу и, натягивая ее, выпрямлялся. Дотянуть тетиву и прицелиться занимало гораздо меньше времени. Сообразив, что стрелы днище телеги не пробивают, бандиты ринулись в атаку, пытаясь обойти его с двух сторон.

Последний выстрел парень успел сделать, когда степняки были уже шагах в двадцати от его укрытия. Всадив стрелу в бедро ближайшему всаднику, Беломир бросил лук и, подхватив пику, прыгнул навстречу другому противнику. Отбив наконечником саблю, он сделал выпад в лицо, заставляя всадника прикрыться щитом, и тут же ударил под широкий пояс. Ахнув, степняк выронил саблю и начал медленно заваливаться вбок.

Но Беломиру было уже не до него. Стремительно развернувшись, он широким маховым движением ударил очередного людолова наконечником в лицо и тут же обратным движением хлестнул по голове коня другого степняка. Взвизгнув от боли, косматый жеребец вскинулся на задние ноги,

чем парень тут же воспользовался, ткнув первого степняка наконечником в бедро. Из десятка всадников его атаковали только четверо, двое из которых уже были ранены. Пятый, вывалившись из седла, лежал на земле, прижимая к животу окровавленные ладони. Трех он достал стрелами, а еще двое отбивались от ринувшихся в атаку местных.

С оружием у крестьян было плохо, так что били бандитов чем придется. В ход шли колья из плетней, топоры и просто камни. Прикрываясь телегой, Беломир заставлял степняков атаковать себя только с одной стороны, да и то не всем сразу. Большие сплошные колеса мешали им использовать свой излюбленный прием: разогнав коня, срубить врага на скаку или, ударив его конем, добить уже лежащим на земле.

Беломир же в приемах себя не ограничивал. Бил и седоков, и их коней. Но помня, что в этом мире конь, можно сказать, главное богатство и серьезная добыча, старался не наносить животным серьезных травм. Но и того, что лошадям перепало, было достаточно, чтобы они регулярно выходили из повиновения, чем парень и пользовался, нанося уколы в бедра, колени и даже по голеним степняков.

На первый взгляд, вроде ранения и не смертельные, но при этом весьма для всадников опасные. Степняки привычны драться в седле и управлять конями при помощи ног. А когда ноги не слушаются или слушаются плохо, ни о каком управлении уже и речи быть не может. К тому же Беломир то и дело заставлял их коней вставать на дыбы, что не добавля-

ло степнякам радости. Удержаться в седле с раненой ногой очень сложно.

Ловкий удар широкоплечего воина перерубил древко пика, и защитник веси, швырнув обрубок в морду соседнему всаднику, выхватил из ножен саблю. Отбив ударом по плоскости размашистый удар противника, он ткнул концом клинка его в ребра, под нижний свод и, заметив, как бандит скривился, зло усмехнулся. Удар по печени всегда считался нокаутирующим, так что в данный момент ощущения степняк испытывал наверняка неопишуемые.

Заметив, как тот, согнувшись, невольно опустил руку с оружием, Беломир подпрыгнул и от души рубанул его клинком по шее. Степняки, очевидно, поняли, что все пошло не так, как задумывалось, и начали разворачивать коней. Но отпускать их парень не собирался. Воткнув саблю в землю, он вновь подхватил лук и вынул из колчана стрелу. Три стрелы настигли удиравших бандитов, едва они успели доехать до края площадки, что считалась центральной площадью веси. Последнего он сбил, когда тот собирался срубить вставшего на пути крестьянина.

Убедившись, что воевать больше не с кем, Беломир аккуратно прибрал все оружие и, оглядевшись, отправился собирать трофеи, попутно проверяя грабителей на предмет выживших. Чтобы не портить не самый плохой кожаный доспех, он всаживал кинжал в шею, перерезая артерии и трахеи. Наблюдая за его действиями, крестьяне только голова-

ми качали и что-то тихо бормотали, словно молясь за добытых. Не обращая на них внимания, Беломир принялся обыскивать ближайшее тело.

В его нынешнем положении ему требовалось всё. От денег до припасов и оружия. А еще парню предстояло выбрать из всего добытого табуна пару-тройку лучших лошадей, чтобы совершить спокойный переход в предгорья. Остаться в степи он не хотел. Размышляя трезво, Беломир понял, что делать тут ему просто нечего. Пахать землю он просто не умел, а каких-то промышленных предприятий тут и в помине не имелось. Чего говорить, если жили местные в землянках, даже не пытаясь найти глину и построить нормальные жилища.

Крестьяне отловили всех лошадей и восемь из них подвели Беломиру, тем самым молчаливо признавая, что это его законная добыча. По знаку старейшины мужчины быстро сняли с тел все доспехи и оружие и принялись сносить все найденное к телеге. Оглядев эту кучу, Беломир задумчиво вздохнул и, подумав, принялся первым делом осматривать оружие. Выбрав себе лучшие образцы, парень сменил пояс и, отложив пару колчанов со стрелами, кивнул на оставшееся:

– Это промеж себя разделите. Нельзя тут без оружия. Разом в колодки забьют.

– А с конями что делать станешь? – осторожно поинтересовался старейшина.

– Трех лучших отберу, остальных тоже вам оставлю.

– Уйдешь, значит, – вздохнул старик.

– Нет мне тут дела. А на шее у других сидеть я не привык, – чуть пожал парень плечами. – Говорил же. Вой я, не ратай.

– Это верно. Покуда мы двоих добивали, ты восьмерых упокоил, – огорченно усмехнулся старик. – Может, погодишь пока ехать?

– Зачем? Или у вас хлеба лишнего много, чтобы за просто так кормить меня? – развернулся Беломир к нему всем телом.

– Не просто так, – качнул старик головой. – Научи людей хоть как оружием биться.

– Для такого не один год нужен, – мотнул Беломир головой. – Да и не вои они. Я вон раненых добивал, так твои увальни едва на меня с дрекольем не кинулись. А ведь эти сюда не пряниками вас кормить приехали.

– Не делаем мы так, вот они и вскинулись, – смутился старейшина.

– Хороший враг – это мертвый враг, – фыркнул Беломир, принимаясь осматривать переметные сумы.

К огромному удовольствию парня, в кошельках степняков нашлись и деньги. Медные и серебряные монеты, то ли арабского, то ли еще какого происхождения, но вязь на них ясно говорила, что пришли они откуда-то с востока. Ссыпав все собранное в один кошель, он перетряхнул все сумки и, убедившись, что ничего ему нужного в дороге тут нет, тоже от-

дал их крестьянам. Перебирая добычу, он попутно выбирал себе сбрую, седло и переметные сумки. К дороге в данной ситуации нужно было готовиться особенно тщательно.

Лошадь – это даже не мотоцикл, и заправить ее на попутной заправке не получится. Так что требовалось предусмотреть всё. От толковой сбруи и до запасных подков. Ковать коней ему еще не приходилось, но Беломир не сомневался, что сумеет тупо все сделать так же, как было сделано прежде. Повторить что-то уже сделанное гораздо проще, чем сделать самому изначально. Главное, не торопиться и пытаться что-то улучшить. Так что собирался он вдумчиво.

В итоге, после всех осмотров и перекладок, из оружия у него остался хороший лук с тремя запасными колчанами стрел и двумя мотками тетивы. Сабля, пара кинжалов, четыре ножа, которые можно было использовать как метательные, и обычный обеденный нож. К тому же парень оставил себе хорошего качества пику, пару арканов, веревка-то в дороге всегда нужна, и найденный на седле одного из бандитов топорик. Про бытовые мелочи можно было и не вспоминать.

Отложил он даже лист почти нового войлока. Кошма, которую явно возили для ночевки в степи. Глядя на его подготовку, старейшина только тихо вздыхал, словно не находя слов, чтобы удержать парня в веси. Сам же Беломир отлично понимал, что деревенька эта обречена. Без толковых бойцов им будет тут не выжить. Теперь, когда степняки узнали, что хазары угнали большую часть мужчин, нападения будут по-

вторяться. Но как объяснить все это крестьянам, он не знал.

Общение с местными проходило обычно с таким скрипом, что ему иной раз хотелось послать все куда подальше. Вроде и на одном языке говорят, а словно с инопланетянами общаешься. По знаку старика мальчишки подхватили все собранное парнем и понесли в отведенную ему землянку. Жестом, удержав его на месте, старик огладил бороду и, вздохнув, тихо спросил:

– Не торопись, молю. Сам видел, одним нам не выстоять.

– Ты уж прости, но вам все одно не выстоять, – решившись, прямо ответил Беломир. – Степняков много, а вас очень мало. Сомнут они вас тут. Уходить вам надобно.

– Куда?

– Я этих мест не знаю, но думаю, ближе к горам. Там хоть бродники рядом будут. А тут вы совсем одни.

– Бродники те – тати не хуже этих, – скривился старик.

– Ну, прости, иного совета не дам, – развел парень руками.

– Когда поедешь? – помолчав, уточнил старик.

– Передохну еще денек, и в путь. Припасов в дорогу дадите?

– Велю собрать. И лепешек, как степняки пекут, тоже прикажу, – решительно кивнул старейшина.

– Благодарствую, – склонил Беломир голову.

– Тебе благодарность моя, вой, – ответил старик с неожиданной торжественностью. – Не отбились бы мы, кабы не ты.

– Ну, теперь-то всяко полегче станет, – пожал парень пле-

чами. – Луками-то люди твои управляться умеют худо-бедно. А пика тот же кол, только ею еще и колоть можно. С саблями только пусть осторожнее будут. Попервости ею можно и себе ногу срубить. Лучше уж топорами. Оно привычнее будет.

– Где б их еще взять, те топоры, – понимающе усмехнулся старик.

– Неужто кузни ни у кого вокруг нет? – удивился Беломир.

– У бродников есть, да только ехать туда далече. Да и купить не на что.

– Так те же сабли на топоры и сменяйте, – тут же нашелся Беломир. – Им сабли всяко нужнее.

– Подумать надо... – задумчиво протянул старик.

– Ну, подумай. И о переезде тоже подумай, – осторожно напомнил парень и, попрощавшись, отправился в свою землянку.

* * *

Оглядывая бесконечную степь внимательным взглядом, Беломир пытался разобраться в том, что с ним происходит. Несмотря на активное участие в серьезных боевых действиях, жестоким парень не был никогда. Ведь одно дело – выстрелить в противника, готового перерезать тебе глотку, и совсем другое – добить раненого кинжалом. А он это делал. Делал, не испытывая никаких моральных и психологических

терзаний.

Да, разведчики на той войне регулярно повторяли ему, что оставлять за спиной живого противника – это верх глупости. И он запомнил этот постулат, как «отче наш». Но одно дело помнить, и совсем другое – делать. Тогда, в горах, что называется, бог миловал. Даже участвуя в перестрелках, когда приходилось отбиваться от духов, закрывавших колонны, ему не доводилось добивать раненых. А тут он вынужден был делать это, чтобы обезопасить себя и тех, кто решился ему довериться.

После того непонятного переноса в его мозгу словно что-то переключилось. Что-то, что отвечает за многие, иногда даже странные умения. Так, например, прежде он не замечал за собой особого мастерства во владении шестом. Да, базовые основы были заложены во время тренировок по рукопашному бою. Элементарные навыки владения различным холодным оружием им прививали, но ставку на это никто не делал. А тут парень орудовал пикой так, что у самого глаза на лоб полезли.

Да, тактику действий при столкновении с кавалерией они с парнями из реконструкторов оговаривали и даже пытались применять в своих потешных боях, но тут все было на самом деле. По-настоящему. И эти выкладки работали. Выходит, веселясь и развлекаясь, он все равно запоминал то, чем занимался. Вздыхнув, Беломир задумчиво почесал свою многотрадальную бестолковку и, нащупав уже почти зажившую

шишку, скривился.

Из веси он уехал спокойно. Только старейшина еще разок попробовал уговорить его остаться, но никаких препятствий никто чинить не стал. Даже припасов в дорогу выдали от души. Ему одному на месяц запасов хватит. Обе заводные лошади были основательно нагружены. Да и Ждан на глаза парню больше не попадался. То ли лечил свою головушку после полученной плюхи, то ли решил, что на одной оплеухе после сделанного Беломир не остановится. В общем, обошлось, и ладно.

Чуть шевельнув поводом, парень в очередной раз огляделся и тут же насторожился. Примерно метрах в трехстах от него, на взгорке, стояли трое всадников, наблюдавших за ним. Понимая, что устраивать со степняками скачки – дело глупое, парень быстро проверил готовность оружия и на всякий случай принялся натягивать на лук тетиву. Составной лук обладал изрядной упругостью, и оставлять на нем тетиву, сплетенную из жил, было глупо. Растянется или порвется. Особенно если на нее вода попадет.

Уперев конец лука в мысок сапога, Беломир с кряхтением согнул его и, накинув петельку тетивы, плавно отпустил. Скрипнув, лук еле слышно загудел натянутыми жилами. Пробежавшись пальцами по стрелам в колчане, парень еще раз оглянулся и, криво усмехнувшись, буркнул:

– Предчувствия его не обманули.

Степняки, съехав с взгорка, пустили коней рысью, быст-

ро его догоняя. Коротко оглядевшись, Беломир заметил заросли какого-то кустарника и, подтянув повод, толкнул своего коня каблуками. Добравшись до зарослей, он спрыгнул с седла и, набросив повод на ближайшую ветку, оббежал кустарник. Перестреливаться со степняками с седла... ищите дураков в зеркале. Эти ребята в подобных изысках упражняются, едва научившись ходить. Так что бой нужно проводить на своих условиях.

Встав так, чтобы за спиной были заросли, а его цуг оказался в стороне от стрел противника, Беломир воткнул пикку в землю и вытянул из колчана стрелу. Степняки, заметив его приготовления, прибавили ходу, попутно перекидывая щиты из-за спин на руки и выхватывая из колчанов луки. Не забывая, что их больше, Беломир прикинул расстояние и, вскинув лук, выпустил пробную стрелу. Снаряд не долетел до цели метров десять. Точнее, на таком расстоянии, сказать было просто невозможно.

Благо оперение на стрелах было белым, что делало его заметным на буйной зелени весенней степи. Понимая, что стоять на месте перед опытными лучниками глупо, парень сделал два приставных шага влево и снова выстрелил. На этот раз выстрел оказался удачным. Стрела ударила ехавшего первым всадника в щит. Точнее, он ловко им прикрылся, едва увидев, как парень отпустил тетиву.

Один из всадников начал забираться влево, снимая с седла аркан. Его маневр Беломир понял сразу. Кустарник, спиной

к которому он стоял, был густым, но не высоким. Ему примерно по грудь. Так что, если для лошадей это было препятствием, то для броска арканом помехой не будет. А значит, степняки собирались брать его живым. Понимая, что иного выхода нет, Беломир сделал то, чего ни один степняк никогда бы не сделал.

Бросив быстрый взгляд на приближающуюся пару воинов, он вскинул лук и, быстро прицелившись, всадил стрелу в бок лошади носителя аркана. Что ни говори, а сложный лук — штука действительно мощная. Стрела вошла коню под правую лопатку почти до середины древка. Пронзительно заржав, конь покатился кубарем, сбрасывая своего наездника в траву. Не останавливаясь, Беломир быстро наложил на тетиву еще одну стрелу и, развернувшись к паре, снова выстрелил.

Степняки отвлеклись на своего соплеменника, чем парень и поспешил воспользоваться. Стрела ударила степняка в грудь, под правую ключицу. Удар оказался так силен, что того отбросило на круп лошади. Не ожидавший такого людолов не успел выпустить из руки повод, так что, откидываясь на спину, резко натянул его, жестко осаживая своего скакуна. Захрипев, конь подпрыгнул, а потом, резко вскинув голову, поднялся на дыбы, заваливаясь на спину.

Гортанно что-то выкрикнув, последний оставшийся целым степняк отбросил лук и, выхватив саблю, ринулся в атаку. Понимая, что времени на стрельбу у него нет, Беломир

так же бросил лук и подхватил пику, метнувшись обратно к кустам. Каждый раз, делая выстрел, он тут же делал два представных шага в сторону, сбивая противнику прицел, так что теперь ему нужно было встать так, чтобы обезопасить спину и не позволить нападавшему использовать привычный способ боя.

Встречать пешком атаку всадника он не собирался. Не те весовые категории, да и опыта противостояния подобным атакам парень не имел. А вот так, стоя на твердой земле с пикой в руках, можно было потягаться. Тут и разница в длине оружия, и умение использовать его нестандартным способом, да и собственные физические кондиции не стоило сбрасывать со счетов.

Как ни крути, а ростом Беломир был выше всех встречавшихся ему степных обитателей, а значит, и руки у него были длиннее, что позволяло удерживать противника на расстоянии, не доступном для сабли. Увидев его маневр, степняк плавно придержал коня и, чуть подтянув левый повод, поставил его к парню боком, успев вскинуть саблю над головой. Подобным оружием всадник мог наносить удар или вертикально, или под острым углом. Во всех остальных случаях он ранил бы собственного коня.

Это при схватке двух всадников имелась возможность размахивать саблями, как удобно, а вот против пешего имелась куча естественных ограничений.

Делая длинный шаг вперед, Беломир одновременно с

этим резко выбросил вперед пику, всаживая наконечник степняку в ребра. Почувствовав, что пика пробила кожаный нагрудник, парень сжал пальцы покрепче и с силой толкнул оружие еще дальше, выталкивая противника из седла.

Ахнув, степняк попытался дотянуться до врага саблей, но ударившись локтем о древко пики, выронил свое оружие и начал заваливаться вбок. Еще одно усилие, и людолов, потеряв стремя, вывалился из седла. Выпустив древко, Беломир выхватил саблю и, хлопнув коня по крупу, подскочил к упавшему. Резкий удар по горлу, и все было кончено. Быстро обернувшись, он нашел взглядом степняка, упавшего вместе с конем, и бросился его добивать, когда вдруг что-то с силой ударило его в спину, под левую лопатку.

На ногах парень удержался только чудом. Помогло то, что он и так почти бежал, так что, чтобы не упасть, ему достаточно было начать быстрее переставлять ноги. А вот последствия удара были гораздо весомее. Отбитое легкое болезненно сжалось, не давая вздохнуть. Борясь с собственным организмом и кашляя до темноты в глазах, Беломир на автомате добрался до второго бандита и кое-как перерубил ему горло.

Помня, что стоять на месте нельзя, парень сделал пару шагов в сторону, одновременно разворачиваясь к третьему противнику. Пытавшийся зааркнить его степняк неловко вскинул лук, но его добыча снова шагнула в сторону. Между противниками было примерно метров семь, не самое большое расстояние, но его еще нужно было пробежать, чтобы сой-

тись с бандитом врукопашную. А имея в руках лук, степняк этого точно не допустит.

Все эти мысли пронесли в мозгу, словно вспышка. Даже не думая, что делает, Беломир перекинул саблю в левую руку и, шагнув в сторону и вперед, выхватил нож. Следующим движением он сделал длинный кувырок вперед, на выходе метнув нож в противника. Сейчас главным было даже не попасть, а заставить врага ошибиться. Так и получилось, увидев летящий в него клинок, степняк дернулся, выпустив стрелу куда-то в сторону.

Пользуясь его неловкостью, Беломир бросился вперед, торопясь добраться до врага прежде, чем он успеет наложить следующую стрелу. Понимая, что уже не успеет этого сделать, степняк перехватил лук за нижний конец и, размахнувшись, попытался использовать его как дубину. Пригнувшись, Кречет пропустил удар над головой и, не раздумывая, ударил саблей. Хоть и держал он ее в левой руке, но парню в очередной раз повезло.

Сабля ударила степняка по шее, разрубая артерию и гортань. Хрипя и захлебываясь собственной кровью, противник рухнул на землю. Оперевшись на рукоять сабли, конец которой Беломир упер в землю, он несколько минут пытался отдышаться после случившейся схватки. К тому же ушибленные стрелой ребра крепко ныли, не давая вдохнуть полной грудью. Чуть придя в себя, парень быстро осмотрелся и, тяжело вздохнув, направился к лежавшей в стороне лошади,

которую тяжело ранил стрелой.

Несчастное животное предстояло добить, чтобы избавить от ненужных мучений. Вот кого ему действительно было жалко, так это ни в чем неповинную коняшку. Она во всем этом безобразии была ничуть не виновата. Достав кинжал, Беломир присел над лошадыю и, проворчав:

– Прости, милая, не хотел, – всадил клинок туда, где по его прикидкам должно быть сердце.

Взвизгнув, лошадь дернула всеми четырьмя ногами и, захрипев, затихла. Отерев кинжал о шкуру, парень убрал кинжал в ножны и принялся снимать с лошади седло и переметные сумы. Здесь все это было товаром, который можно было продать, чтобы получить хоть какие-то средства на первое время. Перетасив все собранное к своим лошадям, Беломир принялся отлавливать оставшихся коней. К его счастью, лошади у степняков оказались хорошо обученными и от тел хозяев далеко не уходили.

Собрав трофеи, парень отвязал от куста свой цуг и, усевшись в седло, погнал собранный караван подальше в степь. Задерживаться на месте драки было неразумно. У степняков наверняка имелись родственники и просто соплеменники, которые, не задумываясь, кинутся мстить их обидчику. Так что, едва покончив с делами, Беломир поспешил оказаться от места схватки как можно дальше.

Часа через два, выехав на берег узкого, но быстрого ручья, он принялся искать место для стоянки. Нужно было обихо-

дить коней и привести себя в хоть какой-то порядок. К тому же ушибленная стрелой спина продолжала ныть, требуя хоть какого-то ухода и покоя. Проехав по берегу почти километр, парень нашел небольшой распадок с маленькой заводью и, свернув туда, принялся расседлывать коней. Одно из первых правил в подобной ситуации – первым делом позаботиться о лошадях.

Ведь это и боевой товарищ, и транспорт, и, как ни странно это звучит, возможность избежать голодной смерти. Расседлав коней, Беломир дал им остыть и позволил напиться. После, стреножив всех пятерых, оставил пастись, а сам занялся обустройством лагеря. Выкопать небольшую ямку и собрать сухие кусты перекасти-поля было делом недолгим, он потратил чуть больше часа. Благо эти колючие шары ветер гонял по степи регулярно, и они во множестве застревали во всяких складках местности.

Вот и в найденной низинке их оказалось немало. Жалея, что при себе не имеется хоть какого завалящего котелка, Беломир развел костерок и, скинув сапоги, принялся стаскивать с себя кольчугу. Как оказалось, работа мастера из иного времени спасла ему жизнь. Стрела ударила парня в спину, но колея не пробила, а только смяла их. К тому же упав вместе с лошастью, степняк повредил руку, так что натянуть лук как следует просто не смог. Иного объяснения тому, что кольчуга не оказалась пробитой, у него не было.

Отмывшись от степной пыли, парень набрал воды в свой

многострадальный нагрудник и, поставив его над костром, принялся варить похлебку. Есть хотелось сильно, но питаться постоянно всухомятку парень не собирался. Помнил, чем это чревато, еще по прежней жизни. Уже в сумерках, похлебав горячего, он расстелил у костра попону и, положив рядом кинжал и саблю, уснул.

* * *

В предгорья он въехал примерно в середине дня. Точнее, просто выехал на случайную дорогу и, оглядевшись, направился по-мужски налево. Ему и вправду было все равно, куда ехать. После того боя на Беломира накатила какая-то апатия, словно сознание попаданца потихоньку начало воспринимать окружающую действительность, и от этого с каждым днем становилось все страшнее. Он вдруг начал понимать, что можно сколько угодно драться, как угодно биться, но обратного пути не будет. Он застрял в этом мире навсегда.

И от этого становилось еще страшнее. Покачиваясь в седле, Беломир пытался хоть как-то представить свою будущую жизнь, но ничего не получалось. Все упиралось в то, что по-настоящему эти времена никто толком не знал. Все прочитанное в книгах и всплывавшее в памяти с уроков истории никак не вязалось с тем, что он уже видел. Тут все было совсем не так. Даже в той же веси, где он успел побывать, жили совсем не так, как он читал и представлял. Никаких изб, зе-

мельных наделов и подворий. Даже живности там было мало. Откуда эти люди вообще взялись, он так и не понял.

Единственное, что он сумел вынести из всех разговоров со старейшиной, так это одно. Все жители этой деревни – беглецы. Но от чего или от кого они бежали, Беломир так и не понял.

Дорога свернула в лес, и лошади заметно прибавили шагу. Да и сам парень вздохнул с облегчением. Тут, в тени раскидистых крон, дышалось гораздо легче, чем на открытом пространстве степи. Даже ветерок там был горячим. А вот тут, в лесу, дышалось гораздо легче.

Беломир отлично понимал, что здесь гораздо опаснее и те же черкесы запросто могут устроить ему засаду, но в парне вдруг включились все те инстинкты, которые просыпались на войне. Дорога сделала крутой поворот, и он тут же натянул повод, останавливая свой цуг. Перед ним, поперек дороги, стоял десяток всадников самого разбойного вида. Угрюмые, бородатые, вооруженные, одетые кто во что горазд. С первого взгляда и не разберешь, то ли банда, а то ли горцы.

– Ну, здравствуйте, люди добрые, – запустил Беломир пробный шар.

– И тебе здоровья, человек прохожий. Куда путь держишь? – раздалось в ответ.

– Еду куда глаза глядят, – усмехнулся парень, припоминая читанные когда-то сказки.

– Опасные ты места выбрал, чтобы так кататься, – хмык-

нул в ответ жилистый брюнетистый мужик, у которого в бороде было гораздо больше соли, чем перца.

– А разве имеются места безопасные? – философски поинтересовался парень. – Такое, пожалуй, только в тереме князем будет, да и то не всегда.

– Верно. Так чьих ты будешь? – задал мужик прямой вопрос.

– Свой, собственный. Беда со мной случилась. А как теперь обратно, и ума не приложу.

– Станный ты, – помолчав, вдруг высказался мужик. – Оружье от степняков, кони тоже ихние. А вот кольчуга да доспех в вязке латинские. Как так?

– Трофеи, – пожал Беломир плечами. – Сам знаешь, что с боя взято, то свято.

– Так ты что же, из боевых холопов будешь? – удивленно уточнил мужик.

– Сам ты холоп, – неожиданно даже для себя самого разозлился Беломир. – Вой я. Вольный. И всегда вольным был. А вы кто такие есть?

– О как! – удивленно хмыкнул мужик. – Вольный значит. Добре. Вот и мы – вольные люди. Сами по себе живем. Без бояр да князей.

– Черкасы? Бродники? – на всякий случай уточнил парень.

– И так порой называют, – спокойно кивнул мужик. – Да только мы больше любим, когда сказывают казаки. Нас этим

словом один калик перехожий назвал, так и пошло.

– Занятно, – проворчал Беломир, припоминая, сколько копий было сломано в его времени учеными, пытавшимися понять, откуда взялось это название. – Казаки, значит. Что ж. Значит, мне к вам.

– А ты какому богу кланяешься, вой? – спросил другой казак.

– Роду я кланяюсь, – помолчав, обтекаемо отозвался парень.

– От то добре, – оживились бойцы. – Выходит, креста греческого не носишь?

Вместо ответа Беломир оттянул ворот кольчуги, показывая им, что на шее нет никаких крестов или оберегов.

– А звать тебя как, вой? – продолжил допрос все тот же седой казак.

– Кречет я. Беломир Кречет, – вздохнув, решительно представился парень.

– И имечко доброе, и род ярый, – одобрительно кивнул мужик. – Добре. Ты пока по этой стежке дальше езжай, да не торопись шибко. Мы свое дело сполним, да на обратном пути тебя нагоним. Там и побайм спокойно. Стежка эта тебя прямо к стану нашему выведет.

– Стан. Станица, – сообразил парень и, кивнув, толкнул своего рысака каблуками.

Казаки посторонились, пропуская его караван, и Беломир, стараясь не делать резких движений, направился даль-

ше. Спешить ему и так было некуда, а теперь, когда он добрался туда, куда хотел, и вовсе торопиться не было смысла. Этот десяток явно ехал куда-то не просто так. Похоже, казакам предстояла стычка с местными, но раз его не позвали, значит, и навязываться не стоит. В любом случае ему пока не доверяли, и это было вполне понятно.

Внимательно поглядывая вокруг, Беломир старательно вспоминал все, что ему приходилось читать или слышать о казачестве. По всему выходило, что все эти люди, каждый в свое время, бежали от бояр, князей и тому подобных богачей, чтобы жить так, как им самим нравится. Недаром они изначально называли себя вольными людьми. А еще это могли быть беглецы от гонений после крещения. Те, кто не пожелал отказаться от верований предков.

Ведь крестили Русь не только водой, но еще огнем и кровью. Всех не желавших мириться со сменой веры или изгоняли, или уничтожали, и руководили этим процессом те самые греческие священники. Понятно, что познания об истории религии у Беломира были весьма куцыми, но и того, что ему было известно, вполне достаточно, чтобы понимать, что отсутствие нательного крестика ему только что, возможно, спасло жизнь.

Так, в размышлениях, он проехал часа два, когда за спиной зазвучал стук множества копыт. Встреченный им десяток рысью нагонял его выезд. Держа руку рядом с рукоятью сабли, Беломир через плечо наблюдал за подъезжающими

казаками. Похоже, его догадки о возможной стычке оказались верными. Десяток вел за собой примерно дюжину трофейных коней, груженных всяческим оружием и амуницией.

– С горцами резались или степняков нашли? – спросил парень, едва только тот самый седой казак поравнялся с ним.

– Степняки на хутор наскочили, да от них мальчонка при- скакать успел, – зло усмехнулся казак.

– Многих хуторян побить успели? – осторожно поинтере- совался Беломир.

– Род миловал. Троих, стрелами поранило. Да еще двоих из наших посекали малость. До стана доедем, там и обиходим.

– Руду-то унять успели? – не унимался парень. – Раны от степняков чистить крепко надо. У них что стрелы, что клин- ки бараньим жиром от ржи смазаны, а он запросто загнить на жаре может.

– Знаешь, – как? – моментально подобрался казак.

– Уксус нужен или вино крепкое. Дело нехитрое, ежели раны неглубокие.

– Есть уксус. И жилы тонкие есть, – решительно кивнул казак.

– Тогда бивак разбивать надобно. И воды вскипятить, что- бы раны мыть.

– Едем, – скомандовал казак, прищпоривая коня.

Ругая себя за длинный язык и несдержанность, Беломир принялся подгонять своего скакуна. Отряд снова перешел на рысь и спустя примерно сорок минут выехал на берег

небольшого ручья. Казаки свернули на едва заметную тропинку и выехали на небольшую полянку, где уже был выложен камнями очаг для костра. Остановившись, Кречет принялся было вываживать коней, чтобы остудить их после скачки, но седой казак, имени которого парень так и не узнал, властно приказал одному из своих подчиненных заняться его лошадьми, а ему самому осмотреть раненых.

Кивнув, Беломир с удивлением отметил про себя, что бойцы уже принялись собирать хворост для костра, и направился к пострадавшим. Усадив обоих на бревно, явно брошенное сюда вместо лавки, принялся разматывать повязки.

К его огромной радости, раны были не глубокими, но широкими. Казаков явно достали сабельными ударами, так что, если их как следует почистить и зашить, то опасности для здоровья они представлять не будут. Главное, избежать заражения.

Бойцы быстро вскипятили воду в широком медном котелке, и Беломир принялся врачевать. Оказывать помощь с подобными ранениями он научился еще в армии. Регулярно лазить по развалинам многоэтажек и не напороться на торчащую во все стороны арматуру или разбитое стекло было просто невозможно. А ходить с каждой царапиной в лазарет не получалось. Слишком далеко этот самый лазарет находился. Вот и учились бойцы оказывать первую помощь друг на дружке. К концу службы у них даже повязки стали получаться не хуже, чем у настоящих медиков.

Смыв кипяченой водой запекшуюся кровь, Беломир внимательно осматривал рану, после чего, сунув пациенту в зубы свернутый в рулон кусок кожи, приказывал терпеть. Зашивать рассечения приходилось чудищем, величиной едва не больше цыганской иглы. Но раненые, хоть и рычали от боли, но сидели спокойно, понимая, что все это делается для их блага. С грехом пополам наложив швы, парень обработал их уксусом и принялся бинтовать полосками чистой холстины, которые он до того также приказал прокипятить.

Закончив, Беломир спустился к ручью, помыть руки. Наблюдая за ним, седой казак только задумчиво кивал и одобрительно хмыкал. Лишь справившись с делом, парень вдруг понял, что только что прошел проверку. На что именно, непонятно, но доверять ему явно стали чуть больше. Это стало понятно, когда, вернувшись к костру, парень получил от десятника приглашение присесть рядом с ним. Не чинясь, Беломир присел на бревно и, вздохнув, посоветовал:

– Прикажи, чтобы повязки они себе каждый день меняли. И уксусом раны обязательно промывали. Жарко сейчас, а с того рана может гнить начать.

– Добре, скажу, – внимательно его выслушав, кивнул казак. – Вот никак не пойму, что за говор у тебя такой странный. Из каких мест будешь?

– Про Белое море слыхал? – спросил парень вместо ответа.

– Это где ж такое? – удивился казак.

– Ежели вон в ту сторону год ехать, как раз к нему и выедешь, – махнул Беломир рукой на север.

– Погоди, это ж вроде варяги из тех мест ходят, – озадачился казак.

– Не совсем. Они ближе и чуть в сторону, – принялся пояснять парень, размахивая руками. – А к нам вон туда.

– Год? – удивленно переспросил казак.

– Угу. До Великого Новгорода сколько?

– Отсель? Так почитай ежели сейчас выехать, то к снегу доберешься, – подумав, с явным сомнением протянул казак.

– Вот. А до нас от Новгорода еще два раза по столько же, – быстро добавил Беломир.

– Далече. А как же тебя сюда занесло?

– Вот это моя главная беда и есть, – вздохнул парень, понимая, что сейчас случится главное. Поверят бойцы в его рассказ или нет. – Меня Перунова оса ударила. А очнулся уже в степи. Бой у нас был, так что отскочить никак не получалось. Вот и вышло, как вышло, – развел он руками.

– А не врешь? – недоверчиво уточнил один из казаков, не удержавшись. – Не бывало такого, чтобы после Перуновой осы кто-то живым остался. Она ж все подряд жжет.

– Я тоже так думал, – кивнул Беломир. – На голову мою глянь. Думаешь, это я так у костра с пьяных глаз ночевал?

– Ну, всякое бывает, – ехидно усмехнулся этот Фома неверующий.

– Погоди, – вздохнул парень и, поднявшись, направился

к своей поклаже.

Порывшись в переметных сумках, он достал обломок своего меча и, вернувшись к костру, протянул его казаку.

– Глянь и сам скажи, в каком горне можно было так добрый клинок спалить.

– Ох, мать честная! – дружно ахнули бойцы.

– Я после еще нагрудник свой покажу. Там тоже след заметный имеется, – быстро добавил парень маслица в этот огонек.

– И как ты теперь? – покрутив в руке рукоять меча, задумчиво поинтересовался седой.

– Самому бы знать, – проворчал Беломир, задумчиво почесывая в затылке. – Самому обратно ехать – никакого припасу не хватит. Это целый караван собирать придется. А как тут жить, и не знаю. Тут я в одной веси побывал, так их старики баяли, что слыхали про такое и что оса Перунова переносит того, кто прашуру зачем-то потребен. Вот теперь и ломаю голову, как быть.

– С нами поедешь, – нарушил воцарившееся молчание седой. – Сведу тебя к старшему нашему, ему все обскажешь. А после он и решит, куда тебе идти.

* * *

Войдя в небольшую, но светлую комнату, Беломир с интересом огляделся и, обернувшись, с улыбкой кивнул:

– Мне нравится. А платить как?

– А как сам решишь, – неожиданно заявила крепкая румяная женщина средних лет. – Можешь деньгой, а можешь работой какой. Мне все сойдет.

– И сколько деньгами получится? – не унимался парень, пытаюсь понять, как дорого встанет ему такое жилье.

– Деньгами – две копейки за постой и за харчи пятачок, на том и сговоримся.

– Это в месяц?

– Так не в день же, – рассмеялась женщина.

– А такие деньги берете? – осторожно поинтересовался Беломир, вынимая из кошелька горсть медяков, снятых трофеями.

– А чего ж не взять. Тут у нас всякая деньга ходит. Вон, дойду до менялы да на наши и сменяю. А можно и так купцам отдать. Возьмут.

– И сколько такая монетка на наши деньги будет? – задал парень очередной вопрос, вынимая из кучки монетку самого малого достоинства.

– Эта-то? А копеечкой и будет. А вон та, поболее которая, эта уже в три копеечки встанет. Да откель же ты такой взялся, что никогда с менялой дела не имел?

– У нас другие деньги ходят, – быстренько выкрутился Беломир. – И менялы там тоже другие. Из свеев которые, – добавил он, вовремя вспомнив подходящее название народа тех мест.

– Далече забрался, соколик, – растерянно ахнула хозяйка дома.

– Не по своей воле, – развел парень руками.

– Добре. После побаим. Ты пока комнату обживай, – спохватившись, велела хозяйка, кивая на его баулы.

Все взятое трофеями Беломир возил в переметных сумках, так что на первый взгляд казалось, что вещей у него много. На самом деле все это было собрано для продажи. Носить что-то после степных обитателей парень не собирался. К тому же все добытое явно было ему не по размеру. Среди всех встреченных местных обитателей только один оказался больше него по всем измерениям. И ростом, и в плечах. Обычно же местный народ был гораздо ниже и субтильнее. Жилистые, крепкие, но не выдающихся статей. Почему так, Беломир даже не пытался выяснять. Не до того. С обычными бы делами разобраться. Тем более что приключения у него и не думали заканчиваться.

Едва только он и десяток казаков въехали в стан, как седой Родомил, привстав в стремях, удрученно вздохнул, что-то разглядывая:

– Похоже, опять Векша напился и бабу свою уму-разуму учит.

– Что, шибко во хмелю буен? – на всякий случай поинтересовался Беломир.

– Да там другая беда. С бабой своей он уж пятый год живет, а она все дитя зачать не может. Вот она похоже на том

разумом и подвинулась. Как Векша за ворота, она к какому-нибудь соседнему мужику, подол задирает. Браты от нее уж шарахаться начали, словно от чумной. Ну не в себе баба. А Векша блуд тот терпеть не желает, вот и учит ее, то вожжами, а то и кулаками. И как еще насмерть не забил... – Родомил удрученно покрутил головой, вздыхая. – Ты учти, паря, коль женка коваля примется перед тобой хвост задирает, то Векша молчать не станет. А он мужик крепкий. Коваль как-никак. Кулаком бугая трехлетку с копыт сшибает.

– Силен, – одобрительно кивнул парень.

– Вот и я за то, – хмыкнул Родомил в ответ.

Кавалькада въехала в станицу и шагом направилась к центральной площади. Как пояснил Беломиру казак, первым делом ему нужно было повидаться с местным главой. Как он тут правильно называется, парень не знал, а задавать лишние вопросы не торопился. И так был тут белой вороной. Решил пока плыть по течению, а дальше – куда кривая выведет. Главное сейчас хоть где-то зацепиться. А дальше видно будет.

Кавалькада двигалась по улице, когда из ближайшего двора вылетела молодая, крепкая баба и, зажимая руками разорванную рубаху, кинулась сломя голову куда-то бежать, но, запутавшись в юбках, со всего маху рухнула в пыль. Выскокивший следом за ней мужик сумел удивить даже видавшего виды Беломира. Высоченный, за метр восемьдесят, в плечах поперек себя шире, да еще и с бицепсом толще ноги самого

парня. В три прыжка догнав упавшую, он со всей дури пнул ее ногой в бок и, взревев пьяным медведем, прохрипел:

– Убью, тварь!

– Уймись, Векша, не допусти крови, – громко посоветовал Родомил, направляя к нему коня.

– Сгинь! – рывкнул мужик в ответ развернувшись к казаку всем телом. – Всем бы вам только потешаться да блуд потешить. Поди!

– Уймись, сказал, – зарычал казак в ответ. – Не хочешь жить с ней, так гони прочь, а крови бездумной не допущу.

– Прочь сказал! – взревел кузнец и одним могучим толчком повалил коня, на котором сидел Родомил.

Лошадь стояла к нему боком, так что животное явно не ожидало такого толчка. Родомил только и успел, что выдернуть ногу из стремени, когда над ним возник обезумевший от ярости кузнец. Что именно он собирается сделать, Беломир дожидаться не стал. Спрыгнув с коня, он коротко разбежался и, подпрыгнув, всем своим весом обрушился на кузнеца. Не ожидавший удара богатырь запнулся о повод упавшей лошади и со всего размаху грохнулся на задницу.

Привычно приземлившись, Беломир выпрямился и, глядя на недоуменно трясущего головой мужика, примирительно произнес:

– Ты и вправду унялся бы, Векша. Так ведь и до беды недалеко.

– И ты с ними?! – вдруг окрысился кузнец и, ловко вско-

чив, не раздумывая, взмахнул пудовым кулаком.

Понимая, что после такого удара уже не встанет, Беломир рискнул сделать то, чего в иной ситуации делать бы не стал. Прыгнув вперед, он нанес один стремительный удар внутренним ребром ладони по горлу кузнецу, который, закашлявшись, согнулся, потом хлестнул его сложенными в лодочки ладонями по ушам. Пьяный и рассерженный до бешенства Векша и вправду мог быть страшным противником. Поэтому миндальничать с ним было глупо.

Взвыв от боли, кузнец сложился пополам, держась руками за голову.

Один из бойцов десятка, заскочив в ближайший двор, вынес оттуда ведро с водой и, примерившись, с размаху выплеснул ее в лицо буйну. Вой разом оборвался. Стоя посреди улицы на коленях, Векша обвел собравшуюся толпу растерянным, почти трезвым взглядом и, вдруг всхлипнув, тихо заплакал.

– В хату его сведите. Дайте браги глоток да спать уложите, – скомандовал Родомил паре своих бойцов.

Казаки подняли плачущего бугая на ноги и, тихонько что-то приговаривая, повели куда-то в сторону околицы.

– Ох, и ловок ты, паря, – проворчал Родомил, окидывая Беломира удивленным взглядом. – Я уж думал, зашибет тебя Векша. Собрался тризну справлять. А ты хлоп, и нет его. Ловок. Это как ты так прыгнул, что он ажно на задницу уселся?

– У нас этому воев особо учат, – в который уже раз вы-

крутился Беломир.

– И долго учиться потребно? – не унимался казак.

– Почитай, всю жизнь, – вздохнул парень. – Я только две ступени прошел.

– Это что же, ты вот так, с голыми руками можешь и супротив оружного встать? – продолжал допытываться Родомил.

– На то и расчет, – кивнул парень, понимая, что теперь от него точно не отстанут. – Мастер мой говаривал: вой – сам себе оружие и врага убить может всем, что под руку подвернется. Не железо убивает. Человек. Главное, знать, куда бить.

– Сурово... – уважительно протянул казак.

Они выехали на станичную площадь, и весь десяток выстроился перед простым, саманным домиком, беленным известью и покрытым обычной соломой. Из дома вышел сухощавый, жилистый мужчина с длинной, седой бородой и посохом в руке. Окинув десяток долгим, внимательным взглядом, он остановил осмотр на Беломире и, едва заметно улыbnувшись, качнул головой:

– Войди, гостюшка. А ты, Родомил, присмотри, чтобы Векша опять пить не принялся. После пришли кого, парня на постой отвести.

Казак молча склонил голову и, повернувшись к удивленно замершему парню, тихо посоветовал:

– Ступай, паря. Не тушуйся. Коней вон к коновязи привяжи, мы присмотрим. Покоен будь. Никто не коснется.

– Угу, – заставил себя кивнуть Беломир и, спрыгнув с коня, накинул повод на указанный казаком столб.

Пройдя во двор, он поднялся на крыльцо и, миновав сени, остановился сразу за порогом. Понимая, что должен что-то сделать, парень приложил правую руку к груди и, коротко поклонившись, негромко произнес:

– Мир дому сему.

– Благодарствуй, гость, – одобрительно кивнул с интересом наблюдавший за ним старик. – Пройди, присядь. Угощенья отведай, – добавил он, указывая на стол, где стояла какая-то посуда, накрытая выбеленной холстиной.

– Благодарствую, хозяин. Да только, прежде чем хлеб ломать, потребно умыться с дороги, – нашелся Беломир, украдкой покосившись на свои ладони.

– Грознега, – окликнул старик, не оглядываясь. – Помоги гостю.

Откуда-то из-за печи вышла стройная жгучая брюнетка среднего роста и, окинув парня долгим, внимательным взглядом, тихо позвала:

– За мной ступай, вой.

Выведя гостя на улицу, она свернула за угол дома и, остановившись у какой-то бочки, ковшиком зачерпнула из нее воды. Нагнувшись, Беломир подставил ладони горстью и принялся смывать с себя дорожную пыль. А когда он выпрямился, у девушки в руках было полотенце, которое она протягивала ему. Беломир готов был поклясться, что пару ми-

нут назад его просто не было. И из дому девица выходила, ничего в руках не имея. Удивленно хмыкнув про себя, он постарался сохранить так называемый покер-фейс и, утвердившись, вернул девице полотенце, тихо поблагодарив.

– Слыхала, ты Векшу голыми руками уgomонить сумел. Так ли? – вдруг спросила девушка.

– Пришлось, – пожал Беломир плечами. – Не то он бы и бабу свою, и Родимила зашиб. Совсем себя человек не помнил.

– Ловок, – с непонятной интонацией произнесла девица и, перекинув на грудь толстую косу длиной до собственной поясницы, добавила: – В дом ступай. С тобой дед баять станет. Ждет.

– Угу, – в очередной раз кивнул Беломир и, вздохнув, отправился в хату.

На этот раз, войдя, он просто коротко поклонился и, подойдя к столу, замер.

– Присядь, молодец, – едва заметно усмехнулся старик. – В ногах правды нет.

– Так ее вроде и выше не заметно, – не удержался парень. Сдвинувший было брови старик на несколько секунд замер, после чего гулко, от души расхохотался.

– Ой, уморил! – простонал он, пытаясь успокоиться. – И вправду ловок. Что кулаком, что словом. Молодца. А расскажи мне, воин, как тебя в места наши занесло?

– Самому бы знать, – вздохнул Беломир, безнадежно мах-

нув рукой.

– А ты поведай, может, вместе чего и пойдем, – не отставал старик.

Понимая, что этого разговора не избежать, Беломир принялся повторять слово в слово все то, что уже рассказывал казакам. Внимательно его слушая, старик только едва заметно кивал в такт его словам, словно не рассказ слушал, а какую-то музыку. Потом, когда парень замолчал, он на пару минут прикрыл глаза и, помолчав, тихо произнес:

– Что-то ты укрыл, а вот что, не пойму. Ну да пращур разберет. Добре. Вот, поснедай пока, – предложил он, откидывая холстину.

Перед гостем оказалась миска, полная янтарного меда, и краюха свежего хлеба. Вспомнив, что настоящий хлеб он ел еще в прошлой жизни, парень переломил краюху и, поднеся кусок к носу, с удовольствием вдохнул ее запах.

– Ешь, ешь на здоровычко. Медок славный, сам качал, – одобрительно улыбнулся старик.

– Ты бортник? – удивился Беломир.

– Род с тобой, – рассмеялся хозяин. – Не те года у меня, чтобы по лесам шастать. Нет. Сподобился несколько роев приручить, вот и качаю медок помаленьку. И самому в радость, и людям польза. Медок, он человеку ничего кроме добра не дает.

– И вправду добрый мед, – нашелся парень, учуяв ни с чем несравнимый запах.

Умыв краюху, он отодвинул от себя миску с остатками меда и, сыто вздохнув, произнес:

— Благодарствую, хозяин, за хлеб-соль.

— Не на чем, парень. Даст род, и ты меня после угостишь, — улыбнулся в ответ старик.

* * *

Вычистив коня, Беломир завел его под навес и, потянувшись, задумчиво оглядел свой табун. Все пять коней так и оставались в его хозяйстве, хотя парень с первого дня сообщил и Родомилу, и своей домашней хозяйке, что готов продать трех из них. Но пока покупателей не наблюдалось. Как не находилось и желающих купить что-то из оружия или трофейных доспехов. Выручали пока только деньги, взятые трофеями. К огромному удивлению парня, у всех степняков нашлось хоть по несколько пусть медных, но монет.

На несколько дней о парне словно забыли. После того разговора с местным главой Родомил устроил гостя на постой и тоже куда-то испарился. Лишь иногда, проходя мимо их плетня, соседи чинно здоровались и проходили мимо, даже не делая попытки завязать разговор. Понятно, что он пока здесь новичок, и чего от него ожидать, никто не знает, но и подобного поведения местных Беломир не понимал. Что-то тут было не так, но что именно, пока непонятно. И выяснить это не было никакой возможности. Даже его домашняя хо-

зьяка с занятым именем Беяна общалась с ним только по делу.

От размышлений Беломира отвлек перешагнувший высокий тын Родомил. Окинув парня и коней под навесом внимательным взглядом, казак одобрительно хмыкнул и, поздоровавшись, сообщил:

– Собирайся, паря. Срок пришел тебя прашуру явить.

– Далеко идти? Может, коня заседлать? – на всякий случай поинтересовался Беломир.

– Без надобности. Пешком доберемся, – отмахнулся казак.

Кивнув, парень быстро отмылся из бочки с водой и, накинув купленную уже здесь, у хозяйки рубашку из выбеленного полотна, затянул на талии пояс с кинжалом. Задумчиво покосившись на саблю, лежавшую на лавке у крыльца, Беломир решил не впадать в крайности. Судя по сказанному, ему предстояло пройти какой-то местный ритуал, так что оружие тут могло быть лишним. Убедившись, что сена у коней вдоволь, а в деревянном ведре свежая вода, он развернулся к казаку и, коротко кивнув, сказал:

– Я готов.

Кивнув в ответ, Родомил развернулся и, не оглядываясь, зашагал куда-то в сторону околицы. Выйдя за территорию станицы, казак свернул в соседнюю рощу и, проведя парня какой-то едва заметной тропкой, спустился в тенистый распадок. За очередным поворотом тропы путники уткнулись в

высокий частокол, набранный из крепких заостренных бревен. Встретили их все те же бойцы, которые участвовали в схватке со степняками и встретились на дороге Беломира.

– Войди, поклонись роду, – с непонятной торжественностью произнес Родомил, резко остановившись и развернувшись к парню всем телом.

Словно в ответ на эти слова, широкие ворота в частоколе медленно распахнулись. Понимая, что это уже не шутка, Беломир не торопясь, чинно переступил порог огороженного участка и, остановившись, медленно склонил голову. Потом, выпрямившись, все так же не спеша осмотрелся и, увидев большого, грубо вытесанного каменного идола, направился прямо к нему. Не доходя примерно трех шагов, парень остановился и, приложив руку к груди, отвесил изваянию поясной поклон.

– Скинь рубаху, – послышалось сзади, и Беломир, оглянувшись, увидел старика-главу все в той же белой хламиде и с посохом.

Но на этот раз на плечи мужчины была брошена медвежья шкура. А самое главное, выделана эта шкура была так, что в голове осталась верхняя челюсть зверя, а судя по форме, там еще и череп имелся. Понимая, что спорить и что-то доказывать в данной ситуации глупо, парень не торопясь снял рубаху и, оглядевшись, аккуратно положил ее на камень, лежавший в стороне.

– Вой, а без оружия пришел, – неожиданно усмехнулся

старик.

– Не на бой зван. Роду поклониться. А для драки мне и кинжала достанет, – нашелся Беломир, старательно отслеживая всю окружающую обстановку.

– Добре, – едва заметно улыбнулся старик. – Выпей это. До дна, – велел он, протягивая парню непонятно откуда взявшуюся деревянную чашу.

Не споря и не чинясь, Беломир принял посудину и, поднеся к губам, принялся глотать, стараясь не думать о том, что в этой жидкости могло быть намешано. Терпкий, горьковатый напиток оказался даже не очень противным. Проглотив последние капли, парень вернул чашу старику и вопросительно выгнул бровь.

– Повернись и присядь, – скомандовал тот. – На камень смотри. Придет время, пращур сам с тобой заговорит.

«У вас тут еще и камни разговаривают?» – иронично подумал Беломир, уткнувшись взглядом в каменный лик идола. Но в следующую секунду ему стало не до иронии.

– Добрался, значит, – раздался в его мозгу гулкий, словно каменный обвал, голос. – Силен. Сумел один в степи выжить. Добре. Мне сильные да смелые надобны.

– Зачем? – растерявшись от случившегося, тупо поинтересовался Кречет.

– Так сразу и не ответишь, – слышалось в ответ. – Тяжко на Руси стало. Ради выгоды да власти своей князья от рода отвернулись. Других богов чтить велят. Плохо это. Для зем-

ли нашей плохо. И потому решил я тут новый род создать. Людей вольных в один гурт свести, чтобы они и дальше старым укладом жили, да землю эту от врага оборонили.

– Это в смысле казачество? – продолжал тупить парень, окончательно теряя связь с реальностью.

– Его.

– А я тут при чем? Я-то точно не казак. Они своих детей не бросали, – горько усмехнулся парень.

– Есть в тебе толика старой крови. Мало, но есть. Потому ты тут и оказался.

– А нельзя меня как-нибудь обратно? – решившись, спросил Беломир о самом для себя главном. – Не мое это время. И жизнь тут не для меня.

– Забудь, – жестко отрезал голос. – Обвыкнешься, – добавил он чуть мягче. – В том твоём времени сил у меня почти нет. Потому и пришлось осу посылать. Да и той едва хватило, чтобы тебя найти да сюда перекинуть. Сам вспомни, где оказался.

– В степи... – удивленно ответил парень.

– Верно. А должен был здесь. На капище.

– Так ты именно меня искал? – не поверил Беломир.

– Нет. Искал я того, чья кровь на зов мой отзовется. Казачья кровь, старая. И в тебе она есть.

– Может, хоть ты скажешь, кто родители мои? – чуть подумав, спросил парень, вспомнив свою мечту приютского детства.

– Не могу. Говорю же, нет в том мире сил у меня, – с явной досадой ответил голос.

– И что мне теперь делать? – поинтересовался Беломир, решив нагнать до конца. Ну не убьет же его этот идол, в конце концов. Тем более потратив столько сил для переноса. Как говорится, за спрос денег не берут.

– Живи, воюй, землю нашу защищай. Ты умеешь. Род новый зачни. Настоящий, казачий. Который после завсегда на рубежах стоять будет. Вон, к внучке Далебора приглядишься. Добра девка, и крови доброй. Детки у вас славные получатся.

– Далебор, это тот, в шкуре? – задумчиво уточнил Беломир.

– Он. А прозвали так, потому как в дальние походы хаживал. Славным воем был. У тверского князя сотней командовал. А как стал князь веру новую насаждать, так тот и ушел. У него, окромя внучки, и нет никого боле. Доброй крови девка выросла.

– Ты про нее словно про лошадь породистую, – не удержавшись, фыркнул Беломир.

– Ты, парень, гонор-то прибери, не в кабак пришел, – сурово отозвался голос. – Знаю, что говорю. И с мерками своими к нынешним делам не подходи. Тут иначе все.

– Потому и говорю, что не для меня тут все, – моментально нашелся парень.

– Сказано, нет у меня сил обратно тебя вернуть, – вдруг признался голос с заметным смущением. – Думаешь, на тебе

свет клином сошелся? Да только ты первым был, у кого кровь старая имеется, а дальше искать мочи не было.

– А тут ты силен? – подумав, деловито осведомился Беломир.

– Не так, как прежде, но кое-чего могу, – удивленно ответил собеседник.

– Тогда помогай. Раз уж притащил меня сюда, давай вместе дело делать.

– И в чем тебе помощь моя потребна? – заинтересовался голос.

– В делах. Во всех. Удача мне нужна и поддержка твоя. Раз уже придется землю защищать, нужно и оружие, и промыслы всякие делать. А то возьмусь чего придумывать, а казаки меня пошлют так, что адрес искать замучаюсь.

– Не пошлют, – усмехнулся голос. – Далебор не позволит. Да и я помогу. А чтобы всем разом стало все понятно, будет на тебе знак мой.

– Какой еще знак? – всполошился парень, вспомнив шаровую молнию.

– Кречет ты. Значит, и знак кречета носить станешь. Всё. Ступай. Остальное после сам поймешь... – ответил голос, а дальше сознание парня просто отключилось.

Очнулся он от яростного щебета каких-то птах. Открыв глаза, Беломир растерянно огляделся, пытаясь сообразить, что произошло и что это за глюк с ним случился. Увиденное показалось парню странным, так что он первым делом попы-

тался нащупать кинжал, но ладони скользнули по полностью обнаженному телу.

– Блин, как в том кино. Напоили, обобрали, – проворчал он, делая попытку подняться. Но резкое напряжение вызвало серьезное головокружение, от которого парень едва не свалился с лежанки, на которой очнулся. Невольно застонав, он рухнул обратно на подушку и сжал ладонями виски.

– Опамятовал? – раздался вопрос, и к лежанке непонятно откуда подошел старик. – Полежи малость, дай телу ожить, – велел он, присаживаясь на край лежанки.

– Далебор, ты чем меня опоил? – слабо возмутился Беломир, снова пытаясь сесть.

– Да лежи ты спокойно, горе мое, – фыркнул старик, одним движением укладывая его обратно. – Откель имя мое прознал? – сообразив, что именно сказал парень, жестко спросил он.

– Пращур поведал, – ехидно отозвался Беломир.

– А ну, – рыкнул старик, отбрасывая одеяло и склоняясь к его груди. – От оно, значит, как... – протянул он, медленно выпрямляясь. – Видать, люб ты батюшке.

– Чего там? – насторожился парень.

– Знак его. Добре. Выходит, верно мы все сделали. Что ж. Раз так, живи, как сам захочешь. А ежели решишь с воинством нашим служить, то и я тебе завсегда помогать стану. Род тебя принял, и потому я спорить не стану. Видать, нужен ты зачем-то прашуру. И то сказать, в бою ловок, ухватки

всякие знаешь. Будет воинству нашему прок с тебя.

Старик говорил так, словно размышлял вслух. Слушая его, Беломир только глазами от удивления хлопал. Единственное, что он смог из всего этого монолога понять, так это то, что его тут теперь примут за своего. Осталось разобраться, что там за знак у него на груди появился. Но чтобы это увидеть собственными глазами, нужно найти зеркало. А насколько Беломир помнил, этот предмет в этом времени штука не просто редкая, а редчайшая.

«Вот еще над чем подумать надо», – мелькнула у него мысль.

– Отдыхай, – неожиданно улыбнулся Далебор. – Захочешь чего, зови.

– Так мне б до дому. Там уж сам потихоньку разберусь, – сделал парень очередную попытку вернуться в свою комнатушку.

– Завтра, – отрезал старик. – Сей день здесь побудешь. Взяв тот, что я тебе дал, не так прост. Ему из тела выйти надобно. Так что лежи покуда. Как пройдет все, сам тебя выгоню, – усмехнулся он.

– Это за что же? – тут же возмутился Беломир.

– Ты парень пригожий, а у меня девка в доме. Почитай выросла. Вот задуришь ей голову, и чего тогда мне с тобой делать? – ехидно ответил старик, пряча смешинку в глазах.

– Ну, ты меня за вошь подзаборную-то не держи, – возмутился Беломир. – Я, может, и не самый добрый на свете че-

ловек, а подлости никому не делал. И вообще, коль боишься, вели меня домой отвести.

– Ишь, взъярился, – одобрительно усмехнулся Далебор. – Шучу я. Уймись. А уходить тебе пока и вправду нельзя. Опасный тот взвар. Вот буду знать, что он из тебя весь вышел, тогда и пойдешь. Ты мне живой потребен. Да и пращуру тоже, – с доброй улыбкой закончил он. – Хочешь, может, чего?

– Эх, сейчас бы чаю крепкого. Настоящего, – мечтательно протянул парень.

– погоди, – удивленно хмыкнув, попросил старик, поднимаясь.

Выйдя из комнаты, он вернулся с каким-то мешочком и, развязав его, сунул парню под нос.

– Ты вот про это сейчас говорил?..

– Чай! – радостно ахнул Беломир, рассмотрев и понюхав содержимое.

– Вот и будет теперь, чем нам с тобой вместе заняться, – тихо рассмеялся старик, старательно завязывая горловину мешочка.

* * *

Склонившись над деревянным ведром, Беломир старательно рассматривал в отражении свой торс, пытаясь понять, как глюк может быть таким реальным. На еще недавно глад-

кой коже тонкими, едва заметными линиями был нанесен абрис летящей птицы. На первый взгляд он казался словно выжженным, но кожа оставалась на ощупь гладкой. В общем, загадок с каждым днем только прибавлялось.

Услышав шаги Беляны, парень быстро зачерпнул из ведра воды и принялся умываться. Смыв с себя пот, Беломир не спеша утерся домотканым полотенцем и, незаметно ощупывая ткань, подумал: «Блин, вот и еще одна тема для внедрения новых технологий. Интересно, тут вообще ткани как ткнут?»

– Ты чего встал? – раздался голос хозяйки дома. – В хату ступай, накрыто уже.

– Иду, – кивнул Беломир, отдавая ей полотенце.

Вообще, он никак не мог разобраться, кем для хозяйки является такой, как он, постоялец. Женщина и убирала у него в комнате, и готовила, и даже стирала ему одежду. Как это вышло с оплатой за постой, Беломир никак не понимал, ведь денег она с него брала кот наплакал. У парня складывалось впечатление, что вдова брала деньги только для виду. Ей гораздо важнее был сам факт его присутствия в доме. Понятно, что все это были только его догадки, но ничем иным такое отношение Беломир объяснить не мог.

Отдавая должное роскошной окрошке, парень пытался составить себе хоть какой-то план действий, но все упиралось в местную техническую базу. Для начала нужно было хотя бы посмотреть, что можно сделать в местной кузне, а

если вспомнить, как они с кузнецом познакомились, то вопрос можно, казалось, и не поднимать. Запивая ужин сбитнем, Беломир пальцем рисовал на столешнице ткацкий станок, вспоминая, из чего он состоит. Благо реконструкторы старались воспроизводить не только оружие, но и станки для промышленного производства.

Из состояния глубокой задумчивости его вывел голос квартирной хозяйки, строго кому-то выговаривавшей:

– Ты чего сюда пришел, дубина стоеросовая? Небось опять зенки бесстыжие залил? Чего тебе тут потребно?

– Я это, до постояльца твоего, – раздался в ответ смущенный голос.

– И чего тебе от него надобно? Отдыхает человек. Он браги вроде тебя не пьет и весь день делом занят был.

– Да мне поговорить бы, – прогудел неизвестный в ответ.

– Кого это там еще принесло? – удивленно хмыкнул Беломир, допивая сбитень.

Отставив кружку, парень поднялся и, выйдя на крыльцо, недоуменно уставился на стоящего посреди двора кузнеца.

– Векша?! Вот уж не чаял, – удивленно хмыкнул Беломир. – Входи, раз пришел.

– Ты, паря, не вздумай с ним брагу пить. До смерти упоит, бугай дурной, – тут же завелась хозяйка.

– Ты бы, хозяйюшка, сбитню нам подала, – чуть надавив голосом, попросил парень.

Осекшись на полуслове, женщина растерянно кивнула и,

отложив корзину, с которой встретила нежданного гостя, куда-то исчезла. Проводив гостя в дом, Беломир указал ему на лавку и, присев напротив, осторожно спросил:

– Как сам, Векша? По здорову ли?

– Род миловал, здоров, – смущенно кивнул кузнец. – А сам как?

– Жив, как видишь, – улыбнулся парень в ответ.

Беляна в темпе вальса приволокла горлач сбитня и, разлив его по чашкам, испарилась, словно ее и не было. Пригубив напитка, Беломир поставил тару на стол и вопросительно уставился на нежданного гостя. Гулко проглотив сбитень, Векша торопливо утер губы широченной ладонью и, тяжело вздохнув, заговорил:

– Беломир, я это... тут вот... ну, мне Далебор велел... я в тот раз себя не помнил... так что ты не серчай... – запинаясь, краснея и без конца шевеля руками, выдавил из себя кузнец.

«Блин, Цицерон станичный», – фыркнул про себя изумленный парень и, качнув головой, уточнил:

– Я в толк не возьму, Векша, ты что, сюда виниться пришел?

– Ага, – истово покивал кузнец.

– Так не за что тебе виниться. Это я думал, что ты на меня после той драки будешь зло таить. Ты вроде как в своем праве был, а я влез.

– Правильно ты влез, – тяжело вздохнув, тихо ответил бо-

гатырь. — Кабы не ты, быть беде. Я ж и вправду от злости да обиды себя не помнил. Вон, Родомил сказывал, вместе с конем его уронил.

— Было такое, — кивнул парень. — Я потому и влез, что ты на него попер, словно бык.

— Вот. А ты говоришь, вправе, — тут же отреагировал Векша.

— Так я не за него, а за бабу, — осторожно подбирая слова, пояснил Беломир.

— Да ну ее. Верно Далебор сказывал, совсем взбесилась. Себя не помнит.

— Так прогони. Не бери греха на душу, — все так же осторожно посоветовал парень. — Натуру человеческую не переделаешь. Раз уж сложилось так, чего и ее и себя мучить?

— Так уже и прогнал, — опутив голову, безнадежно махнул кузнец рукой.

— Ну и ладно. Даст род, нормальную бабу себе найдешь, — кивнул парень в ответ. — Ты лучше вот что скажи. В кузне твоей металл плавить можно или только греть дляковки?

— Можно, да только горн слабый. Его б переложить правильно. А как, я не знаю, — оживился мастер.

— А глянуть дозволишь? — запустил Кречет пробный шар. Если его отношения с кузнецом наладятся, то многие вещи можно будет делать, не тратя на это много сил. Главное, чтобы сам кузнец оказался толковым мастером, а не кое-как обученным подмастерьем.

– Так чего ж не позволить? – удивился кузнец. – Коль есть интерес, прямо посейчас сходить можем.

– А пошли, – обрадованно кивнул Беломир, поднимаясь.

– Так ты и вправду не сердишься? – вдруг вернулся Векша к началу беседы.

– Забудь, – отмахнулся парень. – Иль мы не мужики? Ну сложилось, что на кулачках сошлись, так чего после обиды таить?

– Благодарствую, парень, – тяжело поднявшись, неожиданно поклонился ему кузнец.

– Не на чем. Ты лучше скажи, с каким железом работать умеешь?

– А с каким надобно? – быстро уточнил Векша. – Я-то и свинское железо пользовал, и простое, и со сталью дело имел. Про бронзу да латунь и говорить нечего.

– А сам латунь сварить можешь?

– Так дело нехитрое, – отмахнулся кузнец. – Только угля на это дело много потребно. А тут доброго угля не найти. Все больше хворостом обходимся.

– А земляной уголь не возят?

– Это горюч-камень который?

– Он.

– Редко, – удрученно вздохнул кузнец. – Я его в этих местах и не видывал толком.

– А купцы тут часто бывают? Может, видел у кого земляное масло? – продолжал допытываться Беломир, пытаясь

узнать возможности местной промышленности.

– Слыхал про него, да только не видел, чтобы продавал кто. Да и чего его продавать? Вон, верст двадцать в горы подняться, там озерцо есть махонькое, так там того масла хоть лопатой черпай, – кивнул он в сторону гор.

– Ага, – протянул Беломир, мысленно потирая загребушие ручонки.

Как выгнать из нефти легкие фракции, он отлично помнил. Еще на службе несколько раз приходилось сталкиваться с самоварами, в которых местные умельцы изготавливали самопальный бензин и дизель. Так что, как изготовить тот же керосин или мазут, он знал. А эти жидкости вполне можно будет использовать для производства всего остального. Даже горн можно будет разогревать. Главное, правильную форсунку сделать и наддув. А с этим он как-нибудь разберется. Главное, найти или сделать нужные части.

– Векша, а с медью работать добре умеешь? – задал парень следующий вопрос, шагая по улице.

– С медью работать просто. А чего надобно? – заинтересовался кузнец.

– Трубки. Тонкие. Но вся шутка в том, что трубки те нужны без шва.

– О как! – удивленно хмыкнул Векша. – Это куда тебе такие?

– Тут проще один раз показать, чем седмицу рассказывать, – проворчал Беломир в ответ, пытаясь сообразить, как

объяснить ковалю, что такое перегонный куб.

Мужчины добрались до околицы станицы. К тому ее краю, что стоял над самым ручьем, и Векша, перешагнув высокий тын, направился прямо к приземистому, широкому зданию, все из того же неизменного самана. Войдя в кузню, Беломир с интересом осмотрелся и, почесав в затылке, мрачно проворчал:

– М-да, тут, похоже, придется все с самого начала делать.

– Ты это про что? – насторожился кузнец.

– Горн тебе переделывать надобно. И маленький, и слабый, – принялся пояснять Беломир. – Точило механическое ставить, потому как это угребище только на свалку, чтобы людей не смешить, – кивнул он на названный агрегат.

Точильный камень на деревянной треноге, с кривым стартером для вращения. Что называется, верх механического мастерства.

– Чудно́ ты говоришь, Беломир, – растерянно проворчал кузнец. – Я и половины не понял.

– Прости. Увлекся, – быстренько повинился парень, сообразив, что и вправду увлекся. – В общем так. На ручье запруду ставить надобно. В ту запруду надо водяное колесо поставить, а от того колеса можно будет уже всякие станки крутить.

– Это сколько ж работы?! – заворуженно ахнул кузнец.

– Глаза боятся, а руки делают, – отмахнулся Беломир. – Зато потом тут можно будет не только ковать, но и точить и

сверлить, и все от того колеса. Воду пустил, колесо завертелось, станок и заработал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.